

СОФИ
КИНСЕЛЛА

УДИВИ МЕНЯ

Чистое удовольствие!
Иронично-трогательный взгляд
на брак и на силу перемен.

KIRKUS REVIEWS

ОТ АВТОРА
РОМАНА
«ШОПОГОЛИК»

Шопоголик и другие

Софи Кинселла

Удиви меня

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Удиви меня / С. Кинселла — «Эксмо», 2018 — (Шопоголик и другие)

ISBN 978-5-04-091916-1

Сильви и Дэн – идеальная пара. В восьмую годовщину свадьбы они идут на прием к врачу и слышат шокирующую новость. Им осталось жить, даже страшно произнести... В общем, они оба проживут до ста лет! А это значит, что их безоблачный брак продлится еще шестьдесят восемь лет. Стоя у алтаря, они мечтали, что проведут вместе всю жизнь, вот только не подозревали, что жизнь будет такой длинной. Супруги уже знают друг о друге все. Что же им делать оставшуюся вечность? А если они наскучат друг другу? Этого допускать нельзя. Поэтому Сильви придумывает интересную игру «Удиви меня», чтобы постоянно подогревать отношения. Но практически сразу все выходит из-под контроля. И выясняется, что Сильви и Дэн хранят друг от друга страшные секреты.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091916-1

© Кинселла С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
1	7
2	13
3	20
4	42
5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Софи Кинселла

Удиви меня

Посвящается Генри

Нынешние двадцатилетние имеют в три раза больше шансов дожить до ста лет, чем их дедушки и бабушки, и вдвое больше, чем их родители.

Национальная статистическая служба Великобритании, август, 2011

Продолжительность жизни в наш век меняется с поразительной скоростью, а это значит, что пришло время в корне переосмыслить представления о самих себе и о будущем...

Сэр Стивен Уэбб, министр по вопросам пенсионного обеспечения Великобритании 2010–2015

© Мохова А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Пролог

Для описания мужа у меня есть свой тайный маленький глоссарий: слова и фразы, которые придумала я сама. Муж об этом, конечно же, не в курсе. Новые слова время от времени сами возникают у меня в голове. Например...

«Волновать лоб» для милой привычки Дэна вскидывать брови, когда ему что-то непонятно. В такие моменты его лоб поднимают волнами морщин, а глаза ищут разъяснений. Можно сказать, Дэн и сам волнуется подобно морю, когда он чем-то озадачен. Неразбериха и хаос не для Дэна. Он любит порядок. Чтобы все было четко, ясно, в открытую.

Всякий раз, когда речь заходит о моем отце, Дэн «пружинится»: весь напрягается, словно внутри у него пружина, что никак не может разжаться. (Он думает, я не замечаю.)

И наконец, «по-над обрывом»: это когда Дэну кажется, будто сама жизнь обрела телесную форму и невидимым мучителем держит его за грудки на краю обрыва, угрожая сбросить в бездну.

Впрочем, чувство, что тебя вот-вот столкнут в пропасть, знакомо многим. Эту фразу можно применить к любому другому человеку. Даже ко мне. Ибо прямо сейчас по-над обрывом я. Щеки горят, а в легких холод. Чувствую себя актрисой в дешевом сериале, которая повинуетя второсортному сценарию: 1. Пробраться в кабинет мужа, пока он еще на работе; 2. Украденным ключом открыть тайный ящик в столе; 3. Неверящим взглядом уставиться на то, что лежит внутри.

Все перечисленное я без труда провернула. И не могу поверить в то, что нашла в ящике, в то, что вижу перед собой, что держу в руках. Неужели? Мог ли он?.. Руки дрожат, а в голове роятся тревожные мысли, одна мрачнее другой. Пожалуйста, нет! Это не может быть правдой. Просто не может... Тогда-то в голову и закрадывается самая страшная мысль: «Неужели Тильда с самого начала была права? И я сама во всем виновата?!»

К глазам подступают слезы, к горлу – комок сомнений; где-то внутри меня шевелится холодная скорлупка страха. Ком сомнений растет, превращается в неверие, смешанное с гневом. Мне хочется кричать: «Как же так, Дэн? Как же так?!»

Но я молчу. Молчу и делаю пару фотографий на телефон, потому что... Я даже не знаю, почему. Могут пригодиться. Затем кладу то, что нашла, обратно в ящик, поворачиваю ключ, проверяю, надежно ли ящик заперт. (У меня небольшой пунктик по поводу незапертых дверей, невыключенных утюгов, всякого такого. Это не синдром, не подумайте. Но проверить лишний раз никогда не помешает.) Кабинет покидаю украдкой, словно место преступления.

Я думала, что знаю о Дэне все, а он – все обо мне. Я видела, как он плакал над мультфильмом «Вверх». Слышала, как он кричал кому-то во сне: «Да я тебя в порошок сотру!» А он видел, как я стираю свое белье (мы были в отпуске, а услуги прачечной в отеле стоили как новая стиральная машинка); он даже помог мне развесить трусики на сушилке.

Мы всегда были идеальной парой. Единым целым. Понимали друг друга с полуслова, угадывали мысли. Буквально растворялись друг в друге. Думала, уже ничто в Дэне не сможет меня удивить.

Выходит, я не знала о нем ничего.

1

Пятью неделями ранее

Началось все в день нашей десятой годовщины. Кто бы мог подумать?

На самом деле тут сразу два вопроса: «Кто бы мог подумать, что такое случится в столь знаменательную дату?» и «Кто бы мог подумать, что мы вообще проживем вместе столько лет?».

Пусть это и не десять лет со дня нашей свадьбы, но десять лет со дня знакомства. А встретились впервые мы на вечеринке в честь дня рождения моей подруги Элисон. В тот момент наши жизни – моя и Дэна – изменились навсегда. Тогда я просто подошла к незнакомому мужчине, который жарил бургеры, чтобы попросить один (на празднике Дэн отвечал за барбекю) и... Тадам! Это произошло.

Конечно, это было не совсем: «Тадам! Любовь с первого взгляда. Хочу за него замуж!», а скорее: «Тадам! Какой интересный мужчина. У него красивые глаза. А посмотри на его руки!» На Дэне была синяя футболка, которая подчеркивала его глаза, а талию его опоясывал белоснежный фартук шеф-повара. Дэн готовил бургеры с таким достоинством, будто он – единственный на свете, кто знает, как нужно это делать. Будто он сам придумал это блюдо.

Самое смешное, что я никогда не подумала бы, что в мужчине меня привлечет умение ловко переворачивать бургеры. Но случилось именно так. Он готовил, не обращая ни на кого внимания, улыбаясь самому себе. И, очарованная зрелищем, я просто молча стояла и следила за его руками.

Естественно, я спросила у Элисон, кто он такой («Старый приятель из универа, занимается инвестициями в недвижимость, очень приятный мужчина»), и весь вечер пыталась с ним заигрывать. Но он на меня даже не смотрел, поэтому я буквально уломала Элисон пригласить нас обоих на ужин в другой день. Когда и *это* не возымело действия, я решилась на смертельный номер: пару раз якобы случайно встретила его в Сити¹ (во второй раз на мне был топик с глубоким вырезом. С очень глубоким вырезом). Вот только не надо меня осуждать, я была в отчаянии. И только после этого он (наконец-то!) меня заметил и пригласил на свидание. Так что это была любовь с пятого взгляда, как я и говорила.

Оправдывался Дэн тем (он и сейчас так говорит!), что в то время только-только разорвал предыдущие отношения и «ходил как в тумане».

И еще: когда мы рассказываем эту историю другим людям, то слегка опускаем детали. Незачем всем подряд знать про топ.

Но вернемся-таки к началу: я смотрела на Дэна сквозь ароматный дымок, поднимающийся от жаровни; и глаза наши встретились. Судьбоносная секунда, что навсегда изменила жизнь. Счастливое мгновение, которое лелеешь в памяти. И десять лет спустя мы уже отмечаем годовщину обедом в нашем любимом месте – там, где всегда вкусная еда и прекрасная атмосфера. У нас с Дэном и вправду нашлось много общих интересов – ему нравятся те же фильмы, комиксы и места для прогулок, что и мне, – но и различий оказалось немало. Меня, например, ни за что не увидишь воскресным утром на велосипеде, а Дэна – в торговом центре, нагруженным пакетами с рождественскими подарками. Дэн вообще равнодушен к подаркам; каждый день его рождения неизменно сопровождается подобным диалогом: «Ну должен же ты хоть чего-нибудь хотеть. Подумай!» – наседаю я. Дэн (с затравленным выражением лица)

¹ Исторический и деловой центр Лондона, сформировавшийся на основе древнеримского города Лондиниум. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

устало отвечает: «Я хочу... Эм... У нас закончился песто. Не подаришь ли мне баночку?» – «Песто? – не унимаюсь я. – На день рождения?»

Нашу годовщину мы традиционно празднуем в одном и том же месте. Женщина в черной униформе провожает нас к столику и предлагает ознакомиться с новым меню.

– Ваш официант скоро подойдет, – с улыбкой сообщает она и уходит.

Новое меню! Я смотрю на Дэна и вижу озорные искорки в его глазах. О, я догадываюсь, что это значит!

– Вот прям так сразу? – поддразниваю я.

– Вот прям так сразу, – кивает Дэн, ничуть не смутившись.

– Хвастунишка!

– Не веришь? Вызов принят. У тебя есть бумага?

Конечно, у меня есть бумага. Я всегда ношу с собой блокнот и ручки, так как мы всегда играем в эту игру. Вручаю Дэну листок и ручку, вырываю страничку из блокнота для себя.

– Ну что? – улыбаюсь я, склонившись над бумагой. – В игру, Ватсон!

И вот мы оба молча погружаемся в изучение меню. Так, у них есть и морской окунь, и палтус... С минуту меня терзают сомнения, но только с минуту, ибо я *точно* знаю, что Дэн собирается заказать. Он попытается меня перехитрить, но я все равно его раскушу. Кому как не мне знать, что он любит.

– Готово. – Дэн черкает пару строк на листке и складывает его пополам.

– Готово. – Я пишу свой ответ и складываю бумажку в ту самую секунду, как к нашему столику приближается официантка.

– Вы готовы заказать напитки? – спрашивает она.

– Конечно, и основные блюда тоже, – улыбаюсь я. – Мне, пожалуйста, «Негрони»², гребешки и фирменного цыпленка.

– Я буду джин с тоником, – сообщает Дэн, когда официантка записала мой заказ. – Еще порцию гребешков, пожалуйста, и морского окуня.

Молча жду, пока официантка отойдет от столика на достаточное расстояние, затем радостно выпаливаю:

– Угадала! – Передаю Дэну свою бумажку. – Правда, я не написала джин-тоник. Думала, ты возьмешь шампанское.

– А я все написал! Точное попадание! – Дэн показывает мне свой листок, и я вижу: «Негрони», гребешки, фирм. цыпленок», выведенные его аккуратным почерком.

– Вот же! – восклицаю я. – Была уверена, что ты напишешь лангустов.

– С полентой в качестве гарнира? Я тебя умоляю. – Он ухмыляется и наливает мне минеральной воды.

– Сам-то чуть не взял палтуса, – не могу удержаться я; настолько хорошо я его знаю. – Выбирал между ним и морским окунем, но в конце концов соблазнился шафрановым соусом, который подают к окуню.

Улыбка Дэна становится шире. Я попала в яблочко!

– Кстати, – добавляю я, разворачивая салфетку, – я тут говорила с...

– Отлично! И как она?..

– Все просто замечательно.

– Вот и хорошо.

Дэн делает глоток воды, а я мысленно вычеркиваю эту тему из воображаемого списка. Почти все наши разговоры так и происходят. Мы перебиваем друг друга, заканчиваем недосказанные предложения, понимаем друг друга с полуслова. С Дэном мне не нужно выдавать

² Коктейль-аперитив на основе джина и вермута. Изобретение приписывается французскому генералу Паскалю-Оливье графу де Негрони, корсиканцу по происхождению.

длинное: «Я тут разговаривала с Карен, няней, о наших девочках». Он и так знает. Нет, мы не телепаты, конечно. Просто чувствуем, что собирается сказать другой.

– Надо бы обсудить мамин... – начинает он, сделав еще глоток.

– Ах да. Лучше выехать сразу после...

– Хорошо. Так и сделаем.

И опять же мне не нужно говорить о том, что на юбилей его мамы мы сможем выехать, как только заберем девочек с занятий в балетной школе. Он и так все понял. Передаю ему корзинку с хлебом и точно знаю, что он возьмет заварной. И не потому, что ему нравится такой хлеб, а потому, что мой муж знает, что я люблю фокаччу. Такой вот он, мой Дэн. Всегда оставляет все самое вкусное для меня.

Приносят наши напитки, мы чокаемся. Бокалы звенят, у нас выходной, мы в прекрасном расположении духа. Правда, сегодня нам обоим нужно обновить медицинский страховой полис, но визит к врачу назначен только во второй половине дня.

– Десять лет, – я вопросительно приподнимаю бровь, – можешь в это...

– Поверить?

– Но у нас же получилось! – смеюсь я.

Десять лет вместе. Это и вправду достижение. Совсем как подняться на Эверест. Это же целая декада. Три переезда, одна свадьба, чудесные близняшки и около двадцати шкафов от Ikea... Вот и жизнь почти прошла.

Нам очень повезло, что мы еще здесь. Вместе. Уж я-то знаю. Несколько наших знакомых пар, которые начали встречаться примерно в то же время, что и мы, уже давно разошлись. Моя подруга Надиа развелась с мужем спустя три года после свадьбы. Просто не срослось.

Я любовно смотрю на Дэна – на лицо, которое знаю даже лучше своего. Высокие скулы, усыпанные бледными веснушками, голубые глаза, вечно слегка растрепанные волосы цвета соломы. От Дэна всегда исходит здоровое сияние (еще бы, учитывая, сколько времени он занимается велосипедной ездой!), его мужская сила ощущается даже сейчас, когда он просто сидит напротив меня. Дэн что-то листает у себя в телефоне; и я достаю свой смартфон. У нас на свиданиях нет глупых правил вроде «никаких телефонов», да и кто в наш век может провести пару часов, ни разу не взглянув на дисплей?

– О, у меня есть кое-что для тебя, – внезапно говорит Дэн. – Знаю, у нас не совсем настоящая годовщина, но все же...

Он протягивает мне продолговатый сверток, упакованный в пеструю бумагу, – я уже знаю, что внутри та самая книжка из серии «Магическая уборка», которую я давно хотела прочитать.

– Вау! – восклицаю я, разворачивая бумагу. – Спасибо. У меня тут тоже небольшой подарок...

Дэн берет пакет в руку, картинно взвешивает, и губы его тут же расплываются в понимающей улыбке. Конечно же, он догадался, что я ему подарю. Мой супруг собирает пресс-папье, поэтому на любой праздник (или просто значимое событие) я дарю ему новое в коллекцию (вместе с баночкой песто, естественно). Беспроигрышный вариант. Кто-то назовет нашу жизнь скучной, без сюрпризов. Но нам с Дэном это не надоедает. Ведь, если я знаю, что любит мой муж, зачем рисковать и тратить деньги, покупая что-то необычное, когда я не уверена, что ему понравится подарок?

– Тебе нравится? – спрашиваю я.

– Очень, – говорит он, и я в очередной раз убеждаюсь, что не прогадала. Он наклоняется ко мне, чтобы поцеловать, и шепчет на ухо: «Я люблю тебя».

– И я тебя, Дэн, – шепчу я в ответ.

В четыре часа дня мы уже сидим в кабинете врача; я чувствую себя совершенно спокойной и счастливой – так, как только может чувствовать себя женщина (у которой выходной и чьи дети играют в гостях у подружки) после изумительного похода в ресторан с любимым человеком.

Мы с Дэном еще никогда не были на приеме у доктора Бэмфорда – страховая компания посоветовала нам его, – и он оказался весьма своеобразным человеком. Для начала он пригласил в кабинет нас обоих сразу, что было необычно уже само по себе. Хотя затем и последовали довольно стандартные вопросы, проверка кровяного давления и осмотр результатов процедур, которые мы сделали заранее, доктор Бэмфорд, заполняя наши карточки, декламировал их содержание громким, точно театральным голосом:

– Миссис Уинтер, очаровательная леди тридцати двух лет, не курит, придерживается здорового питания...

На словах «здоровое питание» Дэн подмигнул мне, но я сделала вид, что не заметила. Сегодня праздник, имею право себя побаловать. Да и как можно было устоять перед чудеснейшим двойным шоколадным муссом? Ловлю свое отражение в стеклянной дверце шкафа для медикаментов и, втянув живот, мгновенно выпрямляюсь.

Я блондинка с длинными волнистыми волосами. По-настоящему длинными, до пояса. Совсем как у Рапунцель. Сколько себя помню, у меня всегда были длинные волосы; даже помыслить не могу о том, чтобы их обрезать. Это моя отличительная черта, моя особенность. Папа так любил мои золотые косы. Очень любил.

У наших с Дэном девочек тоже красивые светлые волосы; я делала все возможное, чтобы подчеркнуть эту красоту: наряжала девочек сначала в милые платья и переднички, как у викторианских куколок, затем в модные сарафанчики и чудесные полосатые свитерки. По крайней мере, до прошлого года, когда девочки решили, что любят футбол больше всего на свете и готовы хоть до старости носить (уже порядком мне надоевшие) ярко-синие футболки с логотипом «Челси». Дэна я не виню. Почти не виню.

– Мистер Уинтер, богатырского сложения мужчина тридцати двух лет...

Доктор Бэмфорд зачитывает карточку Дэна, а я едва заметно улыбаюсь. «Богатырского сложения...» Дэну это понравится.

Конечно, мы время от времени ходим в тренажерку, иногда занимаемся спортом, но мускулистым я бы Дэна не назвала. Дэн просто Дэн. Такой, каким он был всегда. Такой, каким и должен быть мой Дэн.

– Вот и всё, в принципе. Отлично! – Доктор Бэмфорд закончил заполнять карточки и теперь смотрит на нас, улыбаясь во все пятьдесят два. Он носит парик; я это заметила сразу, как только мы вошли в кабинет, поэтому стараюсь ничем себя не выдать. Моя работа связана со сбором средств для Уиллоуби-хаус, крошечного узкоспециализированного музея в центре Лондона. Мне часто приходится общаться с почтенного возраста меценатами в дорогих париках. Какие только парики не мелькали у меня перед глазами: и откровенно ужасные, и те, которые смотрелись неплохо.

Ладно, ладно, беру свои слова назад. Парики всегда смотрятся отвратительно.

– Чудесная здоровая пара. – Доктор Бэмфорд одобрительно кивает, будто учитель, прочитавший хорошее сочинение. – Давно вы женаты?

– Семь лет, – отвечаю я, – три года встречались до свадьбы. Прошло десять лет со дня нашего знакомства. – Во внезапном порыве нежности кладу свою ладонь Дэну на запястье. – Сегодня тот самый день!

– Годовщина нашего знакомства, – подтверждает Дэн.

– Поздравляю! Любопытное у вас семейное древо... – Доктор Бэмфорд вновь погрузился в наши документы. – Бабушки и дедушки либо еще живы, либо покинули этот мир в довольно почтенном возрасте.

– Всё так, – довольно кивает Дэн. – Мои все живы-здоровы, а бабушка и дедушка Сильви здравствуют себе на юге Франции.

– Они закаленные французской анисовой настойкой, – улыбаясь Дэну, вставляю я.

– Но родителей осталось только трое?

– Мой отец погиб в автокатастрофе, – поясняю я.

– Ох. – Глаза доктора Бэмфорда светятся искренним сочувствием. – Но при жизни на здоровье он не жаловался?

– Что вы! У папы здоровья было хоть отбавляй! Он казался мне вечно молодым. Папа был удивительным. Он был...

Я не могу удержаться и лезу в сумочку за телефоном. Мой отец был невероятно привлекательным мужчиной. Доктору Бэмфорду нужно увидеть его, чтобы понять. Каждый раз, когда я разговариваю с людьми, которые не знали моего отца, во мне пробуждается странное чувство сродни возмущению, почти безмолвной ярости за то, что им уже никогда его не узнать, не почувствовать его крепкое, воодушевляющее рукопожатие; что они никогда не поймут, кого я потеряла.

Люди часто говорили, что мой отец похож на Роберта Редфорта³. У моего отца был тот же внутренний свет, та же харизма. Папа был добрейшим, золотым человеком до самой своей смерти, с которой я до сих пор не могу смириться, хоть и прошло уже два года. Бывает так, я просыпаюсь утром и представляю всего на пару секунд, что он снова с нами, что все опять по-прежнему. Но правда тяжелым грузом давит на плечи.

Показываю доктору Бэмфорду свою детскую фотографию с папой. Я нашла фотокарточку спустя несколько дней после его смерти и сфотографировала ее на телефон. Папа и я сидим на крыльце нашего старого семейного дома в тени прекрасных магнолий (этот снимок, должно быть, сделала мама). Мы смеемся над шуткой, которую я уже не вспомню, и солнечные зайчики скачут по нашим лицам и голым коленкам.

Я жду, что же скажет доктор Бэмфорд, подсознательно желая, чтобы он горестно воскликнул: «Какая ужасная потеря для всего мира! И как вы находите силы жить дальше?!»

Но, конечно, я никогда не услышу этого из уст врача. Я заметила, что чем больше времени прошло со дня смерти твоего близкого, тем сдержанней соболезнования окружающих. Доктор Бэмфорд просто кивает и отдает мне телефон, приговаривая: «Хорошо... Очень хорошо».

Он поднимает глаза на нас с Дэном и серьезно говорит:

– Вы, молодые люди, очевидно, взяли все самое лучшее от своих здоровых предков. Если исключить несчастные случаи, то впереди у вас еще много, очень много лет.

– Отлично! – улыбается Дэн. – Как раз это мы и хотели услышать.

– Все мы теперь живем гораздо дольше, – улыбка доктора Бэмфорда становится все шире. – Долголетие, знаете ли, – это сфера моих научных интересов. Ожидаемая продолжительность жизни растет с каждым годом. Но не все, к сожалению, это понимают. Правительство, специалисты по экономике, пенсионные фонды... Нет, они еще не осознали. – С губ врача сорвался короткий смешок. – Как долго вы надеетесь прожить? Каждый из вас?

– Ох, – задумался Дэн. – Ну не знаю. Лет восемьдесят? Восемьдесят пять?

– Девяносто, – самоуверенно вставляю я. – Моя бабуля прожила девяносто лет, что мешает мне прожить столько же?

– О, вы проживете сотню лет, – самозабвенно уверяет меня доктор Бэмфорд. – Даже больше. Сто два года. А вы... – врач смотрит на Дэна. – Наверное, все-таки сотню.

– Продолжительность жизни не может быть *настолько* высокой, – ахает Дэн.

– Средняя продолжительность жизни, нет, – соглашается доктор Бэмфорд. – Но ваш уровень здоровья намного превышает уровень моего среднестатистического пациента. Вы следите

³ Американский актер, независимый кинорежиссер и продюсер. Лауреат премии «Оскар» за лучшую режиссуру (1981).

за собой, у вас хорошие гены... Я абсолютно уверен, что вы отметите свой сотый день рождения, – заключает врач и награждает нас благосклонной улыбкой, будто Дед Мороз⁴, вручающий несмышленому чаду первый рождественский подарок.

– Ух ты!

Пытаюсь представить себя stodvухлетней старушкой, но ничего не выходит. Никогда бы не подумала, что проживу так долго. Я вообще не думала о том, сколько проживу. Будь что будет, всегда говорила я себе.

– Сто лет! – Дэн аж просиял. – А в этом что-то есть!

– А мне будет сто два! – со смехом перебиваю я. – Вперед, в мою супердлинную жизнь!

– Сколько лет, говорите, вы женаты? – спрашивает доктор Бэмфорд. – Семь?

– Да, семь, – подтверждаю я. – А вместе десять.

– Тогда я несказанно рад сообщить вам эти новости. – Доктор Бэмфорд просто светится от удовольствия. – Впереди у вас еще шестьдесят восемь прекрасных лет брака!

Что? Что он только что сказал?

Разеваю рот, мое лицо словно льдом сковано. Внезапно мне не хватает воздуха, а перед глазами пляшут мушки.

Шестьдесят восемь лет? Шестьдесят восемь лет брака с Дэном? Нет, я, конечно, люблю Дэна и все такое, но... Еще шестьдесят восемь лет?

– Надеюсь, у вас в запасе много газет и кроссвордов. – Доктор веселится от души. – Может, вы даже составите список тем вроде «Обсудить после девяноста пяти». Хотя телевизор есть всегда! Как и лото с настольными играми!

Очевидно, он находит это смешным. Выдавливаю слабую улыбку и поворачиваюсь к Дэну. Может, мой супруг оценил шутку. Но Дэн сидит, будто в трансе, даже не заметив, что уронил на пол пластиковый стаканчик из-под воды. Лицо у него серое-пресерое.

– Дэн! – осторожно тереблю его за коленку. – Дэн! Ты меня слышишь?

Он приходит в себя, гримаса ужаса сменяется застывшей улыбкой:

– Угу, – хрипло выдает он.

– Разве это не прекрасно? – снова заговариваю я, но не верю своему голосу. – Шестьдесят восемь лет вместе. Нам так... повезло.

– Конечно, – отвечает, нет, почти стонет Дэн. – Шестьдесят восемь... Повезло.

⁴ В авторском варианте Father Christmas.

2

Новости-то радостные. Отличные даже. У нас отменное здоровье, жить мы будем долго. Нам бы устроить праздник, но...

Шестьдесят восемь лет брака. Серьезно? Нет, не так. *Серьезно?!*

До дома едем молча. Я то и дело бросаю на Дэна взгляды, когда он не видит (и точно знаю, что он делает то же самое, когда я смотрю в окно).

– Приятные новости, правда? – нарушаю я молчание. – О сотом дне рождения и о том, что мы будем вместе... – Нет, не могу произнести число вслух. Просто не могу. – Вместе еще много лет, – наконец выдавливаю из себя я.

– Ах да. Приятные, – отвечает Дэн, не поворачивая головы.

– Мы ведь и представляли себе его долгим? – решаюсь я. – В смысле, наш брак.

И вновь воцаряется молчание. Дэн хмурится, «волнует лоб», как и всякий раз, когда в думах его сумятица, которую он не в силах распутать.

– Это очень долго, – через какое-то время произносит он. – Ты так не думаешь?

– Долго, – эхом отзываюсь я. – Очень долго.

Пока Дэн сворачивает на нашу дорогу, я предлагаю ему жевательную резинку. Жвачка – прекрасное спасение от неловкого молчания. Но я не готова отступить.

– Но это долго в хорошем смысле?

– Конечно, – быстро, даже слишком быстро отвечает Дэн. – Безусловно.

– Прекрасно.

– Да, прекрасно.

И снова тишина. Обычно я на подсознательном уровне чувствую, о чем думает Дэн, но сейчас я уже ни в чем не уверена. Не спускаю с него глаз, мысленно передаю ему безмолвные сигналы: «Скажи что-нибудь. Начни разговор. Посмотри на меня. Ты что, умрешь на месте, если взглянешь на меня хоть разок?»

Но все без толку. Дэн погрузился в собственные мысли. Тут я совершаю то, чего прежде никогда не делала.

– О чем ты думаешь? – прямо спрашиваю я и в ту же секунду жалею об этом. Я не из тех жен, что постоянно выпрашивают подобное. Чувствую себя убогой и вдобавок злюсь на саму себя. Разве Дэну нельзя молча подумать о своем? Зачем я к нему лезу? Почему не оставляю в покое? И все же: о чем *таким* он думает?!

– Да так, ни о чем. – Голос Дэна звучит отстраненно. – О кредитах. Об ипотеке.

Об ипотеке?! Меня едва не разрывает хохот. Вот в чем она, разница между мужчинами и женщинами. Я не люблю утверждать подобное (я вообще далека от сексизма), но... я тут размышляю о нашем браке, а он... об ипотеке.

– Какие-то проблемы с кредитами?

– Да нет, просто... – рассеянно отвечает он, поглядывая на навигатор. – Боже, да этот маршрут ведет в никуда!

– Тогда почему ты думал об ипотеке?

– Ну, это... – Дэн лихорадочно тычет пальцем в экран навигатора. – Если ты берешь ипотечный кредит... – Дэн резко крутит руль и разворачивает машину, игнорируя тут же закукарекавшие со всех сторон гудки, – то ты точно знаешь срок. Двадцать пять лет истекают, и все, ты свободен.

Тревога сжала мне сердце острыми когтями, и я выпалила прежде, чем смогла подумать:

– Так вот, значит, что я для тебя? Какой-то кредит?!

Я больше не любовь его жизни. Я обременительное финансовое соглашение.

– Что?! – Дэн аж опешил и в кои-то веки взглянул на меня. – Я говорил не о тебе, Сильви. Я вообще не о нас говорил.

Боже мой. Опять, я далеко не сексистка, но... Мужчины!

– Конечно, о нас ты не думал. Ты вообще себя слышишь? – Понижаю голос, подражая Дэну: – Впереди у нас долгий-предолгий брак. Вот уж повезло. Но подумаю-ка я лучше об ипотеке. Ипотека прекрасна тем, что ты точно знаешь срок. Двадцать пять лет истекают, и все, ты свободен! – Возобновляю свой обычный тон: – Хочешь, чтобы я поверила, что ты задумался об этом просто так? Что это никак не связано со мной?

– Все не так! – взрывается Дэн, когда до него наконец доходит. – Я не это имел в виду, – решительно добавляет он. – И вообще, я уже забыл о разговоре с врачом.

Бросаю недоверчивый взгляд:

– Забыл?

– Да, забыл.

Дэн и сам понимает, что звучит неубедительно, мне почти жаль его.

– Ты забыл о шестидесяти семи годах, что нам предстоит провести вместе? – В моих словах капкан, который мгновенно захлопывается, стоит Дэну выпалить:

– Шестидесяти восьми! – Дэн краснеет; он понял, что попался. – Или сколько там, я не помню...

Он врёт мне. Слова доктора Бэмфорда прочно засели в его мозгу. Как и в моем.

* * *

И вот мы уже дома, в Уондсворте; в кои-то веки Дэну удалось припарковаться не слишком далеко от нашего небольшого таунхауса на три спальни. К дому ведет извилистая каменная дорожка, позади дома сад. Раньше там росли цветы и немного столовой зелени, но сейчас в саду среди кустарников расположился не такой уж и маленький городок – там стоят два детских игровых домика, которые моя мама подарила девочкам на их четвертый день рождения.

Только моя мама могла купить внукам чудесные домики-близнецы и не сказать об этом нам. Можете представить себе мое удивление, когда в самый разгар детского праздника появляются два незнакомца и принимаются воздвигать в саду ярко-леденцовые стены и полосатую бело-красную, как карамелька, кровлю под умиления и оханья гостей.

– Вау, мамуль, даже не знаю, что сказать, – бормочу я, все еще глаза на пряничные домики из сказки, так неожиданно появившиеся в нашем саду. – Они замечательные... просто удивительные, но зачем же два?

Мама моргает и спокойно произносит: «Чтобы девочки не ссорились из-за одного домика», как будто это совершенно очевидно.

Такая вот она, моя мама. У нее самая щедрая душа, и иногда это меня волнует, даже пугает. Но второй игровой домик и вправду пришелся к месту – надо же мне где-то хранить свои гиры и коврик для йоги. Так, о чем это я...

Даже зайдя в собственный дом, мы с Дэном продолжаем молчать; я просто не могу найти верных слов, чтобы разрушить тишину. Пытаясь хоть чем-то себя занять, достаю почту и вяло разбираю письма. Дэн на кухне беспокойно озирается по сторонам, будто он в этом месте впервые. «Знакомится со своей тюремной камерой», – мрачно думаю я и тут же ругаю себя за подобную мысль. Дэн совсем не похож на осужденного, изучающего стены своего последнего приюта. Смотрю на Дэна и оправдываю себя. Похож. Бродит как неприкаянный по кругу, угрюмо взирая на ярко-синие кухонные шкафы. Того и гляди сейчас начнет царапать черточки на стенах, отсчитывая поток бесконечных, ненастных и напрасных дней, составляющих его шестидесятивосьмилетнее заключение.

– Что? – спрашивает он, заметив, что я на него смотрю.

– Что «что»? – парирую я.

– Я ничего не говорил.

– Я тоже.

Боже мой. Да что с нами такое? Мы раздражительны и настороженны, боимся даже заговорить друг с другом. А все этот чертов врач со своими научными интересами.

Каюсь, я невольно повышаю голос:

– Слушай, у нас целая вечность впереди. Буквально! И мы должны это как-то принять, осознать. Давай просто поговорим об этом.

– Поговорим о чем? – простодушно хлопает глазами Дэн.

– Брось! – вспыхиваю я. – Ты прекрасно понял, о чем я. Знаю, что ты думаешь. Как, черт возьми, мы продержимся так долго?! В смысле, долголетие – это прекрасно, но для нас... – я сцепляю руки в замок, – для нас это... испытание.

Прислоняюсь спиной к стенке буфета и, медленно сползая вниз, сажусь на корточки. Спустя мгновение Дэн делает то же самое.

– Это пугает, – соглашается он, и мышцы его лица постепенно разглаживаются. – Не буду врать, эти новости меня... напрягают.

Наконец-то все высказано. Честные слова, идущие из глубины души. Мы оба чертовски напуганы эпической продолжительностью нашего супружества, по масштабам сравнимую разве что с событиями «Сильмариллиона»⁵.

– Как долго, по-твоему, продлился бы наш брак?

– Не знаю. – Дэн разводит руками. – Кто вообще об этом думает, когда женится?

– Но когда ты стоял у алтаря и клялся «Покуда смерть не разлучит нас», ты что, подсчитывал в уме площадь бейсбольного поля? – не унимаюсь я.

Дэн морщит лоб, словно пытаюсь отыскать в памяти что-то, давным-давно ускользнувшее:

– Если честно, тогда я представлял себе будущее весьма... туманным.

– Я тоже, – пожимаю плечами я. – Все казалось таким далеким, почти призрачным. Я, конечно, думала о том, что когда-нибудь мы отпразднуем нашу серебряную свадьбу. Когда другие пары достигают двадцать пятой годовщины, ты думаешь: «Вау! У них получилось, они до сих пор вместе!»

– Когда мы отпразднуем нашу серебряную свадьбу, мы будем даже не на середине пути, – немного мрачно добавляет Дэн. – Далеко не на середине.

Мы снова погружаемся в молчание. Все новые и новые детали обретают более четкие границы.

– Вечность куда длиннее, чем я представлял, – со вздохом отмечает Дэн.

– Куда длиннее, – вторю ему я, усаживаясь на пол.

– Марафонская дистанция.

– Супермарафон, – поправляю я. – Ультрамарафон.

– О да, – прибавляет Дэн с внезапным воодушевлением, – верно сказано. Мы думали, что бежим всего-то десять километров, как вдруг узнаем, что участвуем в одном из этих сумасшедших ультрамарафонов по пустыне Сахара, который никогда не кончится. Не то чтобы я хотел, чтобы он закончился, – поспешно добавляет он, поймав мой удивленный взгляд. – Просто, знаешь... не хочется заработать инсульт на полпути.

Дэн хорош в подборе метафор. Сначала сравнил брак с ипотекой, теперь с инсультом. И что же в его представлении пустыня Сахара? Я?

⁵ Произведение английского писателя Дж. Р. Р. Толкина, изданное посмертно его сыном Кристофером; представляет собой сборник мифов и легенд Средиземья, описывающих, с точки зрения Валар и эльфов, историю Арды с момента ее сотворения.

– Мы просто взяли неправильный темп, – самозабвенно продолжает он (ему действительно понравилось рассуждать о марафоне). – Вот если бы я знал, что проживу так долго, наверно, не женился бы молодым. Если люди и вправду будут жить до ста лет, неплохо было бы поменять правила. Для начала не связывать себя узами ни с кем, пока не стукнет пятьдесят...

– Детей рожать тоже в пятьдесят? – немного резко перебиваю я. – Слышал о биологических часах?

Дэн ненадолго замолкает.

– Ладно, согласен, моя теория не подходит, – признает он.

– Во всяком случае, мы не можем вернуться назад во времени. Мы там, где мы есть. Здесь и так хорошо, – улыбаюсь я, стараясь привнести в разговор хоть немного позитива. – Подумай о своих родителях. Они живут в браке тридцать восемь лет и проживут еще больше. Если они смогут, сможем и мы!

– Боюсь, мои родители не слишком удачный пример, – возражает Дэн.

Согласна. Тут я оплошала. У его родителей довольно сложные отношения.

– Ну тогда королева, – соображаю я в ту самую секунду, как звонят в дверь. – Она замужем миллион лет.

Дэн недоверчиво взирает на меня:

– Королева? Это все, что ты можешь придумать?

– О'кей, забудь про королеву, – обиженно говорю я и, устремляясь к двери, бросаю на ходу: – Обсудим позже, хорошо?

Девочки с радостным визгом вбегают в прихожую; тревожные мысли об узах Гименея, что в вечность длиною, отходят на второй план. Сейчас это уже не так важно. Мои девочки, их счастливые румяные лица, чистые, звонкие голоса («На обед мы ели пиццу!», «А у нас – татушки!») – вот что важно. Обе виснут у меня на руках, наперебой что-то рассказывают, возбужденно скачут, хотят мне что-то показать, пока я безуспешно пытаюсь попрощаться с моей подругой Анной-Лизой, которая, беззаботно улыбаясь, машет мне рукой по пути к своей машине.

Я крепко обнимаю девочек; морщусь, когда они, вертясь и пританцовывая на месте, нечаянно наступают мне на ноги. Они были в гостях у Анны-Лизы всего два часа, мне же кажется, будто я не видела их два года. Я придумываю или Анна немного подросла, а волосы Тессы пахнут по-другому? И откуда у Анны царапина на подбородке?

Сейчас они притаились в углу кухни, секретничают друг с дружкой на своем тайном языке близняшек; их белокурые пряди сливаются в единое светлое пятно, они склонили головки и увлеченно разглядывают руки, на которых красуются блестящие переводные картинки в виде морских коньков. Я слышу возбужденные детские шепотки: «Давай не будем их смывать никогда-никогда!» Хм, надо будет придумать что-нибудь на замену татушкам, ибо наверняка начнется безудержный рев, когда блестящие картинки начнут слезать с кожи после первого купания. Растить пятилетних близняшек все равно что жить в коммунистическом государстве. Нет, конечно, я не считаю, кому сколько шоколадных подушечек насыпаю в пиалку, хотя... Однажды я и вправду рассчитала количество подушечек в миске. Это не так уж и долго. Что поделать, если малышки хотят, чтобы у них всего было поровну.

– Так, что у нас сейчас? Время купаться? – вопрошает Дэн с кухни и сам же громко отвечает: – Время купаться!

В нашей семье купание девочек – это некий ритуал, центр притяжения, к которому сводятся домашние дела. (Впрочем, как и во всех знакомых мне семьях с маленькими детьми. Основная идея: если купание детей пройдет как надо, то и все в доме будет как надо. А если нет... Начнется хаос. Города разрушатся. Дети будут скитаться по улицам в лохмотьях и обгла-

дывать кости мертвых животных, в то время как их родители будут совокупляться и стонать в грязных переулках. Такие дела.)

В любом случае настало время купания. И все снова происходит как обычно, словно странных сегодняшних новостей и не бывало. Дэн и я как одна команда. Предугадываем действия друг друга, вновь общаемся в нашей почти телепатической (читай – родительской) манере.

– Мне помочь Анне с... – начинает Дэн, протягивая мне баночку детского шампуня для вьющихся волос («Расчесываемся без колтунов и слезок!»).

– Уже сделала это утром.

– А как насчет...

– И это тоже.

– Письмо от мисс Блейк? – Дэн приподнимает бровь.

Я намыливаю волосы Анны шампунем; улыбаясь, одними губами шепчу Дэну поверх ее головы:

– Видела. Верх идиотизма.

Мисс Блейк – директриса в школе, где учатся наши девочки. В дневнике Анны обнаружилась распечатанная записка от директрисы, в которой она «убедительно просит всех родителей» не обсуждать перед детьми некий «инцидент» и не «сплетничать об этом у ворот школы», ведь такое «поведение» не имеет и «тени здравого смысла».

Я даже не представляла, о каком «инциденте» идет речь, поэтому сразу же спросила по электронке у других родителей. Оказалось, что мисс Кристи, преподавательница старших классов, гуглила на школьном компьютере папу одной ученицы, совершенно не подозревая, что компьютер в данный момент подключен к электронной доске.

– Можно мне... – начинаю я, и Дэн сразу же передает мне душевую лейку. Поливаю голову Анны теплой водичкой, пока она хохочет и кричит: «Дождик идет!»

Всегда ли мы были псевдотелепатами? Всегда ли предугадывали мысли друг друга? Мне кажется, мы стали такими после рождения девочек. Когда появляются близнецы, и отец, и мать оказываются в одной упряжке: каждого ребенка нужно покормить, успокоить, каждому поменять пеленки, с каждым нужно пройтись по дому кругов пятьдесят, чтобы укачать. Общим малышам нужно круглосуточное внимание родителей. Ты оттачиваешь искусство ухода за младенцами до совершенства. Ты не тратишь время на пустые слова. Когда я кормила Анну и Тессу грудью, то изматывалась до того, что была не в силах даже разговаривать. Дэн научился угадывать по одному лишь выражению моего лица, чего я хочу:

1. Можешь, пожалуйста, принести мне еще воды? Шестнадцати стаканов будет достаточно.

2. И еще парочку батончиков «Марс». Просто положи их в мой открытый рот, а я уж как-нибудь прожую.

3. Не мог бы ты переключить канал? Я только-только укачала малышку, и меня уже тошнит от Джереми Кайла⁶.

4. Боже, как я устала. Эй, я вовсе не говорю это весь день!

5. Ты хоть понимаешь, о *какой* усталости я говорю? Кажется, будто в моем теле вообще не осталось костей, настолько я вымотана. Мои почки прижались к печени и рыдают в голос.

6. Ох, малышка крепко ухватила мой сосок. Ай! Ауу...

7. Ауууууу!

8. Да знаю я, что кормить грудью – это естественно!

9. Наши малышки совершенно очаровательны. Но давай на этом остановимся?

10. Ты меня понял, Дэн? Читай по моему лицу. Больше никаких детей! Никогда!

⁶ Британский телеведущий, известный своим ток-шоу на канале ITV.

– Ай! – Воспоминания мои прерывает Тесса, которая начала баловаться с водой и обрызгала меня с головы до пят.

– Все, хватит! – не выдерживает Дэн. – Сейчас же вылезли из ванны! Обе!

Девочки тут же раздражаются ревом. Плач и сопли – обязательная программа каждого дня. Тесса плачет, потому что не хотела так сильно меня обрызгать. Анна плачет, потому что Тесса плачет. Плачут, потому что Дэн повысил на них голос. Плачут, потому что устали, но, как и любые дети, никогда в этом не признаются.

– Моя тату-у-ушка, – захлебывается плачем Тесса (почувствовав внимание к своей маленькой персоне, Тесса не остановится, пока не расскажет обо всех своих несчастьях), – моя тату-у-ушка сте-е-ерлась. И я ударила па-а-альчик!

– Картинку мы вылечим, – утешаю я Тессу, пока заворачиваю ее в пушистое полотенце. – А пальчик я поцелую, и он пройдет!

– А можно мне фруктовый лед? – невинно распахивает глазенки Тесса (решила ухватиться за возможность, пока ее жалеют).

Такая находчивость пятилетней девочки не может не умилять. Отворачиваюсь, чтобы она не видела моей улыбки, и строгим голосом говорю:

– Сейчас уже поздно есть мороженое. Подожди до завтра.

Сегодня девочек укладывает спать Дэн, а я удаляюсь в спальню и снимаю с себя мокрую одежду. Пока вытираюсь, ловлю свое отражение в большом зеркале, осматриваю голое тело: каким оно будет через шестьдесят восемь лет?

Сжимаю кожу на бедре, пока не появляются складки. Господь Всемогущий, а ведь складки и морщины – это мое будущее, далекое, но все же будущее. И расползутся они по всему телу. Морщинистые руки, растяжки на бедрах и груди... Что дальше? Морщинистая кожа головы? Отпускаю бедное бедро и вновь рассматриваю свое тело. Может, мне стоит записаться на косметологические процедуры? На пилинг, например. Но выдержит ли моя кожа (которой, к слову, еще обтягивать мои косточки лет семьдесят)? Разве я не должна увеличивать слои, а не удалять их? Да и как вообще следить за собой, когда тебе за сто? Почему об этом не пишут в женских журналах?

– Дочурки в кроватях, а я, пожалуй, пробежусь перед сном. – Дэн заходит в спальню (рубашка расстегнута) и встает в дверях как истукан, увидев меня обнаженную перед зеркалом.

– Мммм, – протягивает он, сверкая глазами. Рубашка тут же летит на кровать, а Дэн приближается ко мне и приобнимает за талию. Теперь он тоже отражается в зеркале. Мой красивый, молодой супруг. Но как он будет выглядеть через шестьдесят восемь лет? Перед глазами предстает картина: Дэн, морщинистый старик, тычущий в меня клюкой и кряхтящий: «Вздор! Чепуха!»

Вот уж действительно вздор и чепуха. Дэн просто постареет, а не превратится в скрягу Скруджа. Качаю головой, чтобы развеять тошнотворный образ. Силы небесные, на кой треклятому Бэмфорду сдалось наше будущее?

– Я тут подумала... – голос предательски дрожит.

– Сколько еще ночей любви у нас впереди? – подхватывает Дэн. – Я уже все подсчитал.

– Что? – поворачиваюсь к нему лицом. – Я совсем не об этом. Погоди-ка. – Поневоле заинтригованная, опять не заканчиваю свою мысль. – И сколько же?

– Одиннадцать тысяч. Плюс-минус.

– Сколько?!

У меня подгибаются ноги. Одиннадцать тысяч... Это вообще возможно физически? А я-то думала, что пилинг испортит мою кожу раньше времени. Теперь же...

– Знаю, – Дэн снимает брюки и вешает их на спинку стула. – Я думал, будет больше.

Больше? Как это укладывается у него в голове? У меня при одной мысли об этом мушки пляшут перед глазами. Одиннадцать тысяч ночей любви, одиннадцать тысяч половых сношений, и все с Дэном. Нет, конечно же, я хочу интимной близости с Дэном, но одиннадцать тысяч раз?

Как мы найдем на это время? Нам же нужно есть, работать, дочерей растить. А как быть, если мы пресытимся друг другом? Стоит ли мне уже сейчас гуглить новые позы? Или легче установить телевизор на потолке?

Расчет Дэна просто не может быть верным. Должно быть, он где-то случайно прибавил лишний нолик.

– Как ты это подсчитал? – не без подозрения в голосе спрашиваю я, но Дэн уже занят другим. Он проводит руками по моей спине, поглаживает ягодицы, слегка шлепает по попе; глаза его уже горят желанием. С Дэном о сексе можно говорить не более тридцати секунд; он сразу же возбуждается и хочет уже заняться сексом, а не толковать об этом. Он вообще считает, что говорить о сексе – пустая трата времени. (Мне же нравится обсуждать интимные удовольствия, но я завожу такие разговоры уже после секса. Довольная лежу в его объятиях, рассказываю о том, что мне нравится и не нравится... Он же мычит что-то нечленораздельное в ответ, все тише и тише, пока не проваливается в сон.)

– Да ну ее, эту пробежку, – шепчет Дэн, покрывая поцелуями мою шею. – Сегодня же наша годовщина...

Лежим в постели. Секс был превосходным – тут наши телепатические способности проявляются во всей красе, мы живо чувствуем, о какой ласке мечтает партнер. В приглушенном свете шепчем друг другу: «Это было потрясающе», «Я люблю тебя» и другие фразы счастливых любовников.

Самое главное, что это не ложь. Секс и вправду был потрясающим. А я и вправду очень люблю Дэна.

Но не буду врать, что в эту самую минуту отчетливо слышу в голове вкрадчивый голос, шепчущий: «Одна ночь любви позади. Осталось всего лишь десять тысяч девятьсот девяносто девять».

3

На следующее утро просыпаюсь рано и, к моему удивлению, не застаю Дэна в постели. Он уже встал, сидит в маленьком плетеном кресле и безучастно смотрит в окно.

– Доброе утро, – в не слишком уж добром настроении здоровается Дэн.

– Доброе.

Сажусь в кровати, уже окончательно проснувшись; целый рой разнообразных мыслей жужжит в моей голове. Похоже, я придумала, как сделать нашу «вечную жизнь» по-настоящему счастливой и интересной. Я размышляла об этом всю ночь, пока не впала в забытие. Хочу поделиться моими исканиями с Дэном, но он заговаривает первым:

– Я тут кое-что подсчитал... – обреченно вздыхает он. – Проще говоря, работать мне придется до девяноста пяти лет.

– Почему? – не понимаю я.

– Если мы будем жить вечно, то и работать придется столько же. – Дэн смотрит на меня с укоризной. – Чтоб было на что проживать наш век. Забудь об уходе на пенсию в шестьдесят пять. Вообще о пенсии забудь, не мечтай о заслуженном отдыхе.

– Откуда такое упадническое настроение? Новости-то были *хорошие*, если помнишь.

– Хочешь работать до девяноста пяти?

– Почему бы и нет, – пожимаю плечами я. – Я люблю свою работу. Ты свою тоже.

– Не настолько, – хмурится Дэн. – Ты знаешь, мой отец вышел на пенсию в пятьдесят семь...

Его отношение начинает меня злить.

– Хватит думать о плохом, – велею я. – У нас впереди целые декады. Это же столько возможностей! Мы можем делать все, что угодно! Самые потрясающие, безумные вещи. Нам просто нужно тщательно все спланировать.

– Ты это о чем? – Дэн бросает на меня настороженный взгляд.

– У меня тут пара идей, – придвигаюсь к самому краю кровати и смотрю Дэну прямо в глаза, надеясь вдохновить его, поднять ему настроение. – Нам всего-то нужно поделить наши жизни на десятилетия. Новая декада – новая жизнь! Каждое десятилетие мы будем пробовать что-то новое, интересное, крутое. Рваться к звездам, продираться сквозь тернии! Например, одно десятилетие будем разговаривать друг с другом только по-итальянски.

– Что? – Дэн аж опешил.

– Будем разговаривать друг с другом по-итальянски, – словно оправдываясь, повторяю я. – Почему нет?

– Но мы не знаем итальянского. – Дэн смотрит на меня, как на умалишенную.

– Так выучим! – неопределенно взмахиваю рукой. – Жизнь для того, чтобы учиться чему-то новому. К тому же...

– Какие еще идеи? – перебивает Дэн.

– Устроимся на новые места.

– На новую работу?

– Возможно. Уж за такую длинную жизнь мы сможем отыскать работу, которую будем выполнять с удовольствием. Работу мечты! А еще можно переехать куда-нибудь... Десять лет в Европе, десять лет в Южной Америке, еще десять в Штатах... – Я увлеченно загибаю пальцы. – Можем жить, где только захотим!

– Путешествия – это неплохо, – одобрительно кивает Дэн. – Всегда мечтал побывать в Эквадоре, увидеть Галапагосские острова.

– Отлично! Отправимся в Эквадор.

С минуту мы оба молчим. Дэн все еще переваривает эту мысль. Вдруг его глаза загораются азартным огоньком, а лицо чуть ли не светится:

– Ты права, Сильви. К чертям все, давай сделаем это! Это же вызов! Жизнь нужно жить, а не нудно размышлять о ее смысле. Купим билеты на самолет, заберем девочек из школы, соберем вещи... Да мы будем там уже в пятницу!

Дэна так захватила мысль об Эквадоре, что мне не хочется его расстраивать, но... Он что, меня совсем не слушал? Я говорила про следующее десятилетие. А может, про второе с конца. Про далекое, неопределенное время. Не про *эту* неделю.

– Разумеется, поездка в Эквадор – идея прекрасная... – заговариваю я после небольшой паузы. – С этим я не спорю. Но такие путевки наверняка стоят целое состояние...

– Состояние? Такие поездки случаются раз в жизни! Незабываемый опыт! – запальчиво возражает Дэн. – Деньги найдем. Это же Эквадор, Сильви!

– Согласна, место совершенно чудесное! – Всеми силами стараюсь звучать так же оживленно, но, поразмыслив, неуверенно добавляю: – Только вот миссис Кендрик не любит, когда сотрудники берут внеплановый отпуск.

– Переживет!

– А девочки участвуют в школьной пьесе. Они так этого ждут. Плюс они не могут пропускать репетиции...

– Хорошо, полетим в следующем месяце. – В голосе Дэна уже слышны недовольные нотки.

– В следующем месяце у твоей мамы юбилей, – напоминаю я. – Да и Ричардсоны обещали приехать к нам, а у девочек спартакиада в школе.

– Ладно-ладно, – бурчит Дэн (но я-то чувствую, что он на грани срыва). – Через месяц. Или на летние каникулы.

– Мы едем в Озерный край⁷, – пытаюсь вразумить Дэна. – Конечно, мы можем все отменить, вот только мы уже внесли залог и... – вздрагиваю при виде выражения его лица и мгновенно умолкаю.

– Давай поставим все точки над i. – Дэн старается говорить ровно, вот только выглядит так, будто готов взорваться. – У меня впереди бесконечно долгая жизнь, но мне нельзя позволить себе спонтанное, полное красок путешествие в Эквадор?

Тишина. Не хочу говорить вслух, что я об этом думаю. (Естественно, нельзя! Потому что, алло, у нас и здесь есть жизнь.)

– Мы можем сходить в ресторан эквадорской кухни, – с улыбкой предлагаю я.

Смотрю на Дэна, и улыбка меркнет. Лучше бы я молчала.

Накрываю на стол. Рассыпая в миски мюсли для себя и Дэна, добавляю больше подсолнечных семян, чем обычно. Хочу к ста годам сохранить здоровую кожу. Может, пора уже колоть ботокс?

– Еще двадцать пять тысяч завтраков, – произносит Дэн, уставившись в миску. – Только что подсчитал.

Тесса отвлекается от своего хлебца и поднимает на отца глазки, блестящие в предвкушении хорошей шутки:

– Если ты съешь двадцать пять завтраков, у тебя живот лопнет!

– Двадцать пять тысяч, – поправляет Анна.

– Я так и сказала! – надувает губки Тесса.

⁷ Горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия; знаменит своими живописными горными и озерными ландшафтами.

– Господи, Дэн, ты все еще думаешь об этом? – Честно, мне уже жаль своего супруга. – Пора просто принять это как данное.

Двадцать пять тысяч завтраков. Этот доктор вообще думал о нашем женском уделе? Вот как мне сделать так, чтобы у Дэна вообще не пропало желание завтракать лет этак через пятьдесят? Научиться готовить кеджери?⁸ Или целое десятилетие подавать на завтрак японские блюда? Изобрести двадцать разных способов приготовления тофу?

– Что это ты морщишься? – спрашивает Дэн.

– Да так, ничего. – Смутившись, принимаюсь расправлять свою розовую цветастую юбку. Я хожу на работу в юбках с цветочным узором, и, не поверите, но там они смотрятся более чем уместно. Официального дресс-кода у нас нет, но если я надеваю что-то узорное, конфетно-розовое или весенне-девчачье, то обязательно слышу в свой адрес комплименты от начальницы: «Как чудесно, Сильви! Тебе так идет!»

Когда твоя начальница владеет собственным бизнесом и обладает властью казнить или миловать всех, кто, по ее мнению, «не вписывается в команду», ты идешь на многое, чтобы услышать: «Как чудесно, Сильви!» За те шесть лет, что я работаю на нее, в моем гардеробе значительно прибавилось ванильно-девчачьих нарядов.

Миссис Кендрик нравятся лимонно-желтый и незабудковый цвета, мелкий цветочный рисунок, всякие оборочки, рюшечки, перламутровые пуговицы и туфли с бантиками (я стала постоянным клиентом интернет-магазина, где продают всю эту прелесть).

И она терпеть не может («Я этого крайне не одобряю») черные, блестящие ткани, кожу, топы с глубоким вырезом, футболки и туфли на платформе («Тебе, милочка, пошли бы модели с ортопедической подошвой»). Как я уже говорила, она – хозяйка. Не рабовладелица, конечно, но хозяйка. Все должно быть так, как она того желает.

– Ха, – с губ Дэна сорвался короткий смешок. Он вскрыл почту (которую я вчера так и не разобрала) и достал из конверта какое-то приглашение.

– Что такое?

– Тебе это понравится, – ухмыляется и поворачивает ко мне карточку, чтобы я смогла прочесть. Ну, понятно. Прием для какой-то новой медицинской благотворительной организации, устраиваемый Дэвидом Уитоллом, старым другом моего отца. Вот только происходить все будет в Скай Гарден.

Я знаю о Скай Гарден. Пространство размером с футбольное поле на высоте тридцати пяти этажей. Со всех сторон и сверху – стекло. Одна мысль об этом заставляет меня покрепче вжаться в стул, словно приковывая себя к земле.

– Как раз то, что я люблю, – демонстративно закатываю глаза.

– Я так и сказал, – криво улыбается Дэн, потому что знает, даже слишком хорошо, что...

Я боюсь высоты, и это не смешно. Я не могу выходить на высокие балконы. Не могу ездить в прозрачных лифтах. Если смотрю по телевизору программу, где герои прыгают с парашютом или ходят по канату, меня охватывает смертельный ужас, даже если я просто сижу на диване.

Я не всегда была такой. Я каталась на горных лыжах и подвесные мосты переходила, будь здоров. Но после рождения девочек не знаю, что случилось с моим мозгом, но я начала чувствовать головокружение, даже когда просто залезала на стремянку. Думала, это пройдет через несколько месяцев, но не прошло. Когда девочкам было полгода или около того, одна из коллег Дэна приобрела квартиру с террасой на крыше; нас пригласили на новоселье, но я так и

⁸ Блюдо британской кухни из вареной нарезанной рыбы (традиционно – копченой пикши), отварного риса, петрушки, яиц вкрутую, карри, масла, сливок и изюма; рецепты в зависимости от местности могут различаться и включать дополнительные ингредиенты.

не смогла подойти к краю и взглянуть с высоты на город. Мои ноги просто примерзли к месту. Когда мы вернулись домой, Дэн спросил: «Что случилось?» Я ответила честно: «Не знаю».

Я понимаю, что давно пора уже что-нибудь с этим сделать. (Гипноз? КПП? Экспозиционная терапия? Я гуглю все это время от времени.) Но в последние пару лет моя фобия отошла на второй план. У меня были другие, более насущные проблемы. Например...

О'кей, хорошо. Я должна рассказать кое-что о себе. Два года назад погиб мой отец, и во мне что-то треснуло. Я «не могла отойти». Люди так говорили; я слышала, как они шепчутся за моей спиной (Дэн, мама, врач, которого они притащили): «Сильви все никак не может отойти». Это начало меня серьезно доставать. Что такое «отойти»? Как можно «отойти», когда твой отец, твой герой просто разбивается на машине? Когда только вчера он улыбался тебе, а сегодня его просто нет? Люди, которые якобы перестают скорбеть, просто обманывают себя. Либо они бесчувственные. Либо у них не было такого чудесного отца.

Я не хотела мириться с его смертью. Не хотела «отходить»! Об этом они не подумали? После его смерти все пошло не так. Я взяла временный перерыв на работе. Совершила пару... глупостей. Врач все пытался посадить меня на таблетки (нет уж, спасибо). По сравнению со всем этим боязнь высоты просто маленькая неприятность.

Сейчас я в полном порядке (не считая акрофобию, с которой я когда-нибудь разберусь, было бы время).

– Тебе стоит обратиться к кому-нибудь по поводу твоей фобии, – говорит Дэн, словно читая мои мысли (иногда наша связь меня по-настоящему пугает). – ЗиСи? – окликает он, когда я не отвечаю. – Ты меня слышишь?

Дэн иногда называет меня «ЗиСи», что значит «Златовласка Сильви». А все из-за того, что, когда мы только начинали встречаться, я была златовласой принцессой, а он – простым рабочим парнем. Впервые он назвал меня «принцессой Златовлаской» в свадебной речи, на что мой отец вставил свои пять пенсов: «Стало быть, я теперь король!» Гости засмеялись, а Дэн отвесил моему папе шуточный поклон. Мой отец и вправду выглядел как король: красивый, статный, окруженный всеобщим вниманием. До сих пор помню, каким он был в день моей свадьбы: стоит, широко улыбаясь в своем любимом, безукоризненно чистом, скрутке-визитке (папа обладал безупречным вкусом в одежде), его светлые волосы, едва тронутые сединой, при свете свечей отливают золотом. «Прошу вас, продолжайте, принц Дэниел», – сказал тогда папа и подмигнул Дэну. Шафер позже пошутил, что имеет честь присутствовать на «королевской свадьбе». Помню, всем было очень весело.

Но со временем – или просто потому, что я стала старше, – мне надоело называться Златовлаской. Теперь меня задевает это прозвище. Каждый раз вздрагиваю, когда Дэн зовет меня так. Он не замечает, а я ничего ему не говорю. За этим прозвищем стоит еще одна история. Неловкая.

Ну, не то чтобы неловкая... Слишком сильно сказано, просто... Боже, как же мне сказать об этом без...

Хорошо, придется рассказать еще кое-что о себе. В детстве со мной носились, как с принцессой. Каждое желание, конечно, не исполняли, но баловали достаточно. Я была папенькиной дочкой. Денег у нас было прилично. Изначально папа работал в индустрии авиаперевозок в качестве исполнительного директора, но, когда компания сменила владельца, на папу как с неба свалились хорошая сумма и большой пакет акций компании. Папа основал свое консалтинговое агентство, вскоре ставшее очень успешным. Разве у папы могло быть иначе? Доброта и профессионализм отца притягивали клиентов, словно большой магнит. Если ему случалось лететь первым классом с какой-нибудь знаменитостью, то к концу полета у него на руках была звездная визитка и приглашение в бар.

Так что у нас были не просто деньги, но привилегии. Дорогущие авиабилеты. Специальное обслуживание. У меня куча детских фотографий, где я сижу в кабине пилота в фуражке

командира воздушного судна. Когда я была маленькой, у нас даже был коттедж в Лос-Боскес-Антигуос, поселке закрытого типа в Испании, где в свое время праздновали свадьбу знаменитые игроки в гольф (вы наверняка видели фотографии в журнале *Hello!*). Мои родители с ними даже очень хорошо общались. Так я и жила.

Дэн же из скромной (его родители очень милые, приятные люди), можно даже сказать практичной семьи. Отец Дэна – бухгалтер, и он буквально помешан на экономии. Он начал копить на дом с восемнадцати лет. Двенадцать лет копил, но накопил же. (Я услышала эту историю на моем первом ужине у родителей Дэна. Его отец весь вечер нудил про пенсии.) Отец Дэна никогда не отправил бы всю семью в Барбадос, повинуясь мимолетному порыву (как сделал мой), не устроил бы семье отвязный шопинг в Хэрроде⁹.

Не поймите меня превратно: мне вовсе не нужен был Барбадос и мириады дорогущих покупок. Я твердила об этом Дэну миллион раз. Но Дэн немного (открываю мой глоссарий... Так, где же это слово?) занозистый по поводу моей семьи.

Больнее всего, что он не был таким, когда мы только сошлись. Дэн отлично ладил с моим отцом. Мы часто выходили в море на яхте, все четверо, и прекрасно проводили время. Папа, конечно, куда лучше управлял яхтой, чем Дэн (до встречи с моим отцом он ни разу не ходил под парусом), но они находили вместе общий язык и даже, как мне казалось, уважали друг друга. Папа шутил, что наметанный глаз Дэна не помешал бы ему в работе с отделом расчетов с клиентами, и даже несколько раз просил у него профессиональной помощи. Тогда все было спокойно и просто.

Но год за годом Дэн будто обрастал колючками. Он больше не хотел выходить с моим отцом в море. (Впрочем, после рождения девочек находить время на подобные развлечения стало куда труднее.) Три года назад мы купили наш дом, используя деньги, полученные мной в наследство от бабушки в качестве задатка. Папа хотел дать нам оставшуюся сумму, но Дэн денег не принял. Он вдруг начал странно себя вести и сказал, что мы и так слишком полагаемся на деньги моей семьи. (Стало еще хуже, когда отец Дэна приехал к нам на новоселье и выдал: «Так вот чем одаривает тебя богатая семейка!», как будто мы приобрели дворец, а не трехспальный дом в Уондсворте по ипотечному кредиту.) Когда папы не стало, все досталось моей маме, и она снова предложила нам денег – Дэн снова отказался. Он стал еще более колючим в этом вопросе. Не стану врать, мы едва не поскандалили из-за этого.

Я понимаю, почему Дэн такой гордый. (Почти понимаю. Вру, не понимаю вовсе. Но, может быть, это мужское.) Но что у меня совсем не укладывается в голове, так это как Дэн реагирует на любое упоминание о моем отце. Я видела, что со временем их отношения становились все более напряженными, даже когда отец еще был жив. Дэн утверждает, что я все придумала, но это не так. Не знаю, что между ними произошло, но пружина внутри Дэна сжималась все сильнее. (Именно тогда я придумала слово «пружиниться») Как будто он смертельно обижен на моего отца.

Но и сейчас над Дэном нависает тень моего отца. Он отказывается предаваться воспоминаниям о папе вместе со мной как положено. А если же я достаю альбом со старыми фотографиями, чтобы вместе посмотреть, взгляд Дэна все время блуждает по сторонам. Спустя несколько минут он выдумывает какой-нибудь предлог и уходит по своим делам. Знает ли он, что этим причиняет мне боль? Ведь если я не могу повспоминать папу вместе с Дэном, то с кем же тогда? С мамой? Я люблю свою маму, но с ней такое не обсудишь. Разговоры по душам у нас не особо получаются. А братьев и сестер у меня нет.

Мне не нравилось быть единственным ребенком в семье. Когда я была маленькой, то все время прилипала к маме с просьбой купить мне младшую сестренку. («Ничего не выйдет, малышка», – отвечала мне мама.) Тогда я придумала себе воображаемую подругу. Ее звали

⁹ Самый известный универмаг Лондона; считается одним из самых больших и фешенебельных универмагов мира.

Линн, у нее была густая черная челка, которая всегда падала ей на глаза, окаймленные длинными ресницами. От Линн приятно пахло перечной мятой, и я делилась со своей подружкой всеми тайнами. Но все равно это было не то.

Когда на свет появились Анна и Тесса, я наблюдала, как они мирно спят рядом друг с дружкой, носик к носику, и завидовала некоей загадочной незримой связи, что сопровождает их с самого рождения. У меня было все, когда я была ребенком. Но такой сакральной магической связи я была лишена.

Ладно. Хватит уже об этом. Я уже давно не ребенок, и мне больше не нужна воображаемая подруга. А что касается Дэна и моего отца... Что ж. Даже в самых прекрасных и гармоничных отношениях не обходится без ложки дегтя. Самое лучшее решение здесь избегать тем, связанных с моим отцом, и мило улыбаться, когда Дэн зовет меня ЗиСи. Ведь это не так уж сложно, правда?

– Хорошая идея, – отвечаю я Дэну, пробудившись от воспоминаний. – Стоит и вправду к кому-нибудь обратиться. Так и сделаю.

– Но туда мы не пойдем. – Дэн стучит ноготком по приглашению в Скай Гарден.

– Напишу Уитоллу и откажусь, – предлагаю я. – Он поймет.

Тут Тесса опрокидывает на себя кружку с молоком, а Анна плачет, что потеряла свою заколку («Не хочу другу-у-ю! Та была с ромашкой!»). Утро идет своим чередом.

Провожая Дэна на работу. Когда мы только встретились, он работал в огромной инвестиционной компании. Платили много, но и душу выматывали каждый день. Дэн устал от однообразной, утомительной работы, которая не приносила удовольствия, поэтому он каждый год откладывал деньги (яблоко от яблони) и вскоре накопил достаточно, чтобы открыть собственную фирму, которая продает или предоставляет в долгосрочную аренду отдельные, полностью готовые офисные помещения другим компаниям. Его же офис находится в восточном Лондоне, так что он часто подвозит девочек в школу, ему по пути.

Стою на пороге, машу Дэну с девочками рукой на прощание и замечаю нашего соседа, профессора Рассела, который забирает со ступеньки утреннюю газету. На голове у него почти что карикатурный седой хохолок (каждый раз, когда вижу этот вихор, не могу удержаться от смеха и едва успеваю сделать серьезное лицо, если профессор смотрит в мою сторону).

Профессор Рассел переехал в наш район в начале года. Полагаю, ему около семидесяти. Раньше он преподавал ботанику в Оксфорде (наверняка он мировой специалист по какому-нибудь редкому папоротнику). В его саду возвышается огромная, прямо-таки внушительная оранжерея, через стекла которой видно, как он возится с разнообразными растениями. С профессором живет еще один седовласый мужчина (знаю только, что его зовут Оуэн); я думаю, они пара, хотя и не совсем уверена.

На самом деле я их слегка опасаюсь, так как спустя пару дней, как они переехали сюда, Тесса нечаянно зафутболила мячик прямо на крышу их оранжереи. Дэн полез его доставать и случайно повредил (читай – разбил) стекло, когда взбирался наверх. Мы заплатили за его замену, но знакомство получилось отнюдь не теплым. Жду, когда старики начнут жаловаться на визги и крики моих малышей. Хотя, может, они туги на ухо. Надеюсь на это.

Забудьте о моих словах. Я вовсе не надеюсь, что соседи глуховаты. Понятно, что они не глухие. Но было бы кстати.

– Здравствуйте! – оживленно здороваюсь я.

– Доброе утро. – Профессор Рассел широко улыбается мне, но глаза его блуждают где-то далеко-далеко отсюда.

– Вам нравится на Канвилл-роуд?

– Да, да, очень нравится, – кивает он, – очень нравится.

Но его взгляд вновь уплывает куда-то. Может, он устал. Или ему скучно. Или разум его уже не тот, что прежде. Честно, не могу сказать.

– Должно быть, здесь весьма непривычно после Оксфорда? – Так и вижу, как профессор Рассел расхаживает в черной мантии по древним коридорам на манер Северуса Снегга и поучает неразумных студентов. Сказать по правде, эта роль подходит ему лучше, чем образ старичка на пороге дома маленькой улочки в Уондсворте, смотрящего на мир так, будто он забыл, какой сегодня день.

– Пожалуй. Да, немного непривычно. – Мне кажется, или он действительно впервые задумался об этом. – Но даже лучше, – продолжает он. – В жизни важны перемены. – Внезапно он устремляет свой взор на меня, и я вижу живой, неподвластный течению времени ум в его глазах. – Многие задерживаются на одном месте слишком долго. Если ни к чему не стремишься в жизни, исчерпываешь самого себя. *Vincit qui se vincit*¹⁰. – Он умолкает, словно хочет наполнить странные слова воздухом. – Уверен, вы понимаете, о чем я.

Что ж, профессорский ум явно еще на месте.

– Безусловно, – киваю я. – Винцит... эм... – слишком поздно понимаю, что попытаться повторить фразу было ошибкой. – Определенно.

Размышляю, что значит этот винцит-винтит и смогу ли это быстренько загуглить, как еще один голос прорезает утренний воздух.

– Тоби, ты меня слышишь? Уберись в своей комнате в кои-то веки! И если хочешь помочь, пройдишь до магазина и купи что-нибудь на обед. И куда подевались все кружки? Не знаешь? Они все на полу в твоей комнате, вот где.

Поворачиваю голову и вижу, как Тильда, наша вторая соседка, выходит из дома. Она обматывает шею чем-то вроде бесконечного шарфа с этническим узором, умудряясь при этом бранить беднягу Тоби, своего сына. Тоби двадцать четыре, пару лет назад он окончил Университет Лидса. С тех самых пор живет с мамой и работает над каким-то техническим проектом. (Каждый раз, когда он пытается объяснить мне, чем именно занимается, мой мозг буквально замерзает, но я помню, что его работа как-то связана с «системами цифрового слежения», чем бы они ни были.)

Тоби молча выслушивает маму, прислонившись к парадной двери и засунув руки в карманы, и, что примечательно, с совершенно отсутствующим выражением на лице. Тоби довольно симпатичный молодой человек, но вот его борода... Ну, знаете, бывают сексуальные бороды, а бывают нелепые бородки. Так вот у Тоби последняя. Какая-то бесформенная, торчит клочками. Как вижу ее, так резко втягиваю воздух, чтобы не начать: «Сбрей, сделай форму, что-нибудь сделай!»

– ...вечером обсудим твой бюджет, готовься! – зловеще заканчивает свою речь Тильда и лучезарно улыбается мне: – Готова, Сильви?

Тильда и я всегда по утрам идем вместе до станции Уондсворт-Коммон уж шесть лет как. Тильда вообще-то не садится на поезд; она удаленно выполняет услуги личного секретаря для пяти-шести клиентов, но ей просто нравится прогуливаться и болтать.

Ближайшие соседи мы только три года, но до того, как мы с Дэном приобрели собственный дом, жили в многоквартирном напротив частного сектора. С Тильдой мы познакомились шесть лет назад; именно она рассказала нам, что дом рядом с ней продается, и умоляла нас переехать сюда и поселиться по соседству. В этом вся Тильда. Деловитая, прямолинейная, упрямая (в хорошем смысле), она сразу же стала моей лучшей подругой.

– До свидания, – прощаюсь с профессором Расселом и Тоби и пускаюсь вслед за Тильдой. Сейчас на мне кроссовки, туфельки с невысоким тонким каблуком покоятся себе в сумке вместе с бирюзовым бархатным ободком для волос, который я надену в офисе. Миссис Кендрик

¹⁰ Побеждает тот, кто побеждает самого себя (лат.).

обожает ободки для волос, бирюзовый она мне подарила на Рождество. Хотя я скорее умру, чем буду носить такой дома, в офисе подобный аксессуар строго обязателен.

– Интересное мелирование, – отмечаю я, разглядывая новую прическу Тильды. – Пряди очень... яркие.

– Так и знала! – в отчаянии схватила за голову Тильда. – Слишком яркие!

– Нет, нет, такой тон тебе очень идет, – поспешно добавляю я. – Хорошо подчеркивает естественный цвет твоего лица.

– Думаешь? – Тильда нерешительно накручивает прядь на палец. – Может, стоит сделать чуть темнее?

Тильда весьма противоречива в том, что касается внешности. Она красит волосы с каким-то религиозным фанатизмом, но почти не пользуется декоративной косметикой. Каждый божий день она надевает какой-нибудь этнический шарфик, а вот украшения – крайне редко; говорит, драгоценности напоминают ей обо всех извинительных подарках бывшего мужа. По крайней мере, теперь она понимает, что это были извинительные подарки. («Лучше б он дарил мне бытовую технику! – однажды яростно воскликнула она. – Что-нибудь от *KitchenAid*!¹¹»)

– Итак, – говорю я, когда мы сворачиваем за угол, – завтра викторина.

– Ой, не напоминай. – Тильда демонстративно закатывает глаза. – Вообще ничего не знаю!

– Я и того меньше, – признаюсь и прибавляю: – Как всегда, сяду в лужу!

Тильда, Дэн и я вместе участвуем в ежегодной благотворительной викторине, которая проводится в пабе неподалеку. Саймон и Оливия, что живут через дорогу, собрали команду и заманили нас своим: «Вопросы будут проще простого!»

Но только вчера Саймон встретил нас с Тильдой на улице и заговорил совершенно по-другому. Оказалось, что некоторые раунды могут быть «довольно сложными», но волноваться не о чем, ведь они все на «общую эрудицию».

Когда он отошел на достаточное расстояние, мы с Тильдой в нескрываемом ужасе посмотрели друг на дружку. Общая эрудиция?

Может, когда-то давно я и знала чего-то. Однажды я выучила названия ста государств (вместе со столицами) для школьной олимпиады. Но с тех пор, как появились девочки, единственная информация, которую я в состоянии постоянно хранить в голове, это: 1. Рецепт «куриных пальчиков» от Анабель Кармель¹²; 2. Мелодия из мультфильма про свинку Пеппу; 3. И по каким дням у девочек бассейн (вторник).

По правде говоря, я иногда путаю заставку «Свинки Пеппы»¹³ с мелодией из «Чарли и Лолы»¹⁴. Так что я совершенно безнадежна.

– Тоби присоединится к нашей команде, – сообщает Тильда. – Ему нравится еда в том пабе, так что мне даже не пришлось его уговаривать. Он разбирается в музыке и всяком таком. Хоть вытащу его ненадолго из дома. Ох уж этот парень! – Тильда издает знакомый обреченный вздох.

Увы, сказать, что мама с сыном ежедневно треплют друг другу нервы, это не сказать ничего. Оба работают на дому, и каждый ведет жестокие бои за свою идеальную рабочую атмосферу. Тильде нужен порядок в кабинете и абсолютная тишина. Тоби же разбрасывает вещи по

¹¹ Товарный знак бытовой техники (крупной встроенной и отдельной техники для кухни, мелкой бытовой техники, в том числе популярных миксеров) производства компании KitchenAid, U.S.A.. Существует с 1919 г.

¹² Самый продаваемый автор книг о детском питании в Великобритании.

¹³ Британский мультсериал из коротких мультфильмов по 5 минут; главные герои сериала: Свинка Пеппа, ее младший брат Джордж, мама Свинья и папа Свин.

¹⁴ Мультсериал, созданный по мотивам одноименной книги Лорейн Чайлд. В основе сюжета – взаимоотношения в семье между братом и сестрой.

всей комнате, громко включает музыку (для вдохновения!) и в ночи созванивается по скайпу со своим бизнес-партнером, при этом, словами Тильды, «не зарабатывает ни гроша». Пока.

«Пока» – дежурное слово Тоби. Все, чего он не достиг в жизни, он обязательно достигнет в будущем. Просто не сделал этого *пока*. Один раз я даже слышала, как он кричит: «Блин, мам, ну не убрался я еще на кухне! *Пока* не убрался!»

Он не нашел спонсора для своего проекта *пока*. И *пока* не рассматривает другие профессии. И не думает *пока* переезжать в собственную квартиру. И не научился *пока* готовить лазанью.

У Тильды есть старшая дочь по имени Габриэлла, и к двадцати четырем годам она уже работала в банке, жила у своего парня и могла посоветовать маме, что заказать из каталога *Lakeland*. Такая жизнь наверняка служит признаком чего-то. Вот только чего?

Но в общении с Тильдой я научилась одному: когда она начинает свои Тоби-тирады, лучше сразу сменить тему. На самом деле сейчас я и вправду хочу у нее кое-что спросить. Ее мнение по поводу семейных союзов.

– Тильда, когда ты вышла замуж, сколько, ты думала, продлится твой брак? – как бы с невинным любопытством спрашиваю я. – Наверное, все поначалу думают, что это «навсегда». – Пальцами изображаю в воздухе кавычки. – Сейчас ты разведена... – Я нерешительно замялась. – Но в день свадьбы, когда ты еще не знала, что произойдет, каким долгим для тебя было это «навсегда»?

– Хочешь знать правду? – Тильда останавливается и трясет запястьем. – Черт. Мой фитнес-трекер сломался.

– Да, но я имела в виду...

– Что-то с батареей. – Тильда раздосадованно щелкает по браслету ногтем. – Сколько мы уже прошли? – снова трясет браслет. – Если это не засчиталось шагомером, то зря я вообще напрягалась.

В последнее время Тильда буквально одержима фитнес-трекерами. Всего пару недель назад она заваливала Инстаграм фоточками листьев под дождем и хмурого неба, которые делала во время наших пеших утренних прогулок. Теперь вот любовно носит с шагомерами.

– Совсем не зря! Я скажу тебе, сколько мы прошли, когда доберемся до станции, хорошо? – пытаюсь затащить ее обратно на тротуар. – Итак, когда ты вышла замуж...

– Тогда я вышла замуж, – повторяет Тильда, будто не услышала вопроса.

– Как долго для тебя это пресловутое «навсегда»? Тридцать лет? Пятьдесят?

– Пятьдесят? – Тильда издает странный звук; не могу понять, фыркает она или смеется. – Пятьдесят лет с Адамом? Поверь мне, пятнадцати вполне достаточно, и нам еще повезло, что мы продержались так долго. – Тильда бросает на меня испытующий взгляд: – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, не знаю, – мямлю я. – Просто размышляю о браке. Как долго люди живут вместе и все такое.

– Если и правду хочешь знать мое мнение, – Тильда зашагала бодрее, – вся система прогудела. Вечность? Кто подписывает договор с вечностью? Кто может взять на себя вечные обязательства по отношению к другому человеку? Меняются люди, обстоятельства, жизнь меняется...

– Ну... – начинаю я и тут же умолкаю. Мне нечего сказать. Я подписала договор с вечностью вместе с Дэном. Или нет?

– А как насчет того, чтобы состариться вместе? – наконец выдыхаю я.

– Никогда этого не понимала, – твердо заявляет Тильда. – Самая нелепая цель в жизни, до которой только можно додуматься. Состариться вместе... Пфф! Все равно что пожелать до конца жизни сохранить молочные зубы.

– Это не одно и то же, – со смехом возражаю я, но Тильда меня уже не слышит. Что поделать, иногда ее заносит совершенно в другую сторону.

– А еще этот бессмысленный акцент на вечную любовь. Может, конечно, такое и бывает. Но, по-моему, брачный обет «Покуда смерть не разлучит нас» слишком уж честолобив. На такое могут согласиться только безумцы. Есть куда более вероятные сценарии. Покуда разные взгляды на жизнь не разлучат нас. Покуда нудная бытовуха не разлучит нас. В моем случае – покуда чрезмерно чешущийся инструмент мужа не разлучит нас.

Криво улыбаюсь. Тильда нечасто говорит об Адаме, своем бывшем муже, но однажды она рассказала мне всю их историю без утайки. Курьезную, душераздирающую, от которой слезы наворачиваются на глаза (то ли от сочувствия, то ли от смеха).

Адам сейчас женат на другой женщине, у них трое детей. Ручаюсь, спокойно по ночам он не спит.

– Вот мы и пришли. – Как только достигаем станции, Тильда шлепает рукой по своему браслету. – Вот же чертова штука. Так и не работает, зараза.

Поворачивается ко мне:

– Что у тебя сегодня утром?

– О, просто кофе с потенциальным спонсором, – показываю Тильде экран моего смартфона, на котором установлено приложение-шагомер. – Давай посмотрим. 4458 шагов.

– Но ты наверняка еще пробежалась вверх-вниз по лестнице раз шесть, до того как мы начали, – подытоживает Тильда. – И где ты будешь пить кофе? – заговорщически шепчет Тильда, комично приподнимая бровь (я смеюсь). – И не притворяйся, что в «Старбаксе»!

– В отеле «Кларидж», – смущенно признаюсь я.

– В «Кларидже»! – на всю станцию оглашает Тильда. – С ума сойти!

– Увидимся завтра, – подмигиваю Тильде и направляюсь к вестибюлю метро.

Достаю смарт-карту и все еще слышу за спиной возбужденный голос:

– Бог ты мой, Сильви! «Кларидж»!

* * *

Работа у меня прекрасная, зачем это скрывать. По-настоящему чудесная.

Сажу за столик в ресторане самого фешенебельного отеля в Лондоне, сплошь уставленного тарелками с круассанами и абрикосовыми таралетками. Напротив меня сидит девушка по имени Сьюзи Джексон. Я уже встречалась с ней пару раз и рассказывала ей о нашей предстоящей экспозиции вееров девятнадцатого века.

Как я уже говорила, я работаю в крошечном музее, существующем только на благотворительность. Семья Кендрик владеет Уиллоуби-хаус уже много лет. Это небольшой городской особняк в Мэрилебоне¹⁵, построенный в георгианском стиле. А в этом особняке – чудеснейшая коллекция драгоценностей, произведений искусства и, что немного странно, клавесинов. Сэр Уолтер Кендрик был очарован этими музыкальными инструментами, коллекцию начал собирать с тысяча восемьсот девяносто четвертого года. Также он обожал церемониальные мечи, а его жена питала слабость к миниатюрам. На самом деле все в семье Кендрик были маниакальными скопидами. Но, естественно, никто в музее не называет экспонаты «сокровищами эпохи». Слишком просто. Как вам «бесценная коллекция произведений искусства и артефактов, представляющая исторический интерес и имеющая национальное значение»? В музее помимо экспозиций проводятся лекции и камерные концерты.

¹⁵ Зажиточный квартал на севере Вестминстера, берущий название от приходской церкви Девы Марии. Застраивался в продолжение всего XIX века.

Эта работа мне идеально подходит, так как я изучала историю искусства в университете. Для такой, как я, нет ничего лучше, чем быть окруженной не просто прекрасными, но и исторически важными образчиками гениальности человеческого ремесла. В Уиллоуби-хаус вы найдете то, что навсегда пленит ваше сердце. (Есть же экспонаты совершенно безобразные, к истории не имеющие никакого отношения, но мы и их заботливо выставляем на витрины, ибо, как говорит миссис Кендрик, в них заключена «индивидуальная сентиментальная значимость». С начальницей не спорят.)

До Уиллоуби-хаус я помогала составлять каталоги в архивах элитного аукционного дома. Правда, архивы располагались в совершенно другом здании, а туда, где, собственно, происходили сами аукционы, мне был ход закрыт. Я так и не увидела вживую и не потрогала ни один лот. Если честно, это была довольно однообразная работа. Поэтому, когда появилась возможность работать хоть за меньшие деньги, но больше общаться с людьми и получить опыт в сфере «развития», я согласилась не раздумывая. Развитие в моем случае означает «сбор денег», только мы так не говорим. При упоминании слова «деньги» миссис Кендрик белеет как полотно (в запретный список также входят слова «туалет» и «веб-сайт»). У миссис Кендрик свое четкое представление о том, как нужно вести дела Уиллоуби-хаус, и за шесть лет работы здесь я выучила ее правила назубок. Избегай в разговоре слова «деньги», не называй потенциальных спонсоров по именам, не тряси кружкой для сбора пожертвований у людей перед носом (фигурально) и не веди нудных лекций о благотворительности (буквально). Вместо этого «строй отношения».

Вот это я и пытаюсь сделать сегодня. Стараюсь построить хорошие отношения со Сьюзи, которая работает на крупный благотворительный траст, фонд Уилсона-Кросса, чья задача – поддерживать науки и искусства. («Крупный» значит, что у нас будет возможность каждый год получать свою, пусть и небольшую, долю из двухсот семидесяти пяти миллионов фунтов.) Мягко и ненавязчиво рассказываю Сьюзи про нашу обитель искусства. Миссис Кендрик научила меня действовать тактично и неочевидно, вести игру с дальним прицелом. На первой деловой беседе просить пожертвования миссис Кендрик категорически запрещает. Золотое правило: чем дольше вы знаете покровителя, тем больше он даст, когда придет время.

Наше тайное желание – отыскать еще одну миссис Причкетт-Уильямс. Об этой женщине в Уиллоуби-хаус ходят легенды. Она посещала каждое мероприятие в музее в течение десяти лет. Пила шампанское, угощалась канapé, слушала разговоры, но никогда не давала нам ни пенни.

А когда странная старушечка почилá в бозе, оказалось, что она выделила музею пятьсот тысяч фунтов. Полмиллиона!

– Еще кофе? – лучезарно улыбаюсь Сьюзи. – Итак, вот ваше приглашение на открытие выставки старинных вееров «Шелковый ветер». Очень надеемся, что у вас получится ее посетить.

– Звучит очень интересно, – кивает Сьюзи, рот забит круассаном.

На вид я бы дала Сьюзи лет двадцать восемь. Сколько бы мы ни встречались, на ней всегда новехонькая пара первоклассных туфель.

– Боюсь только, в этот же вечер я приглашена на мероприятие в Музей Виктории и Альберта¹⁶.

– Ах, очень жаль. – Улыбка моя ни за что не дрогнет, хотя внутри я и пылаю, как адское пламя. Вечно Виктория и Альберт встают у нас на пути. Половина наших меценатов являются и покровителями Музея Виктории и Альберта; наверное, даже больше половины. Большую

¹⁶ Музей в Лондоне; является крупнейшим в мире музеем декоративно-прикладного искусства и дизайна. Основан в 1852 году.

часть своей трудовой жизни сотрудники Уиллоуби меняют график наших мероприятий, чтобы избежать совпадений с V&A.

– А что там будет? Я об этом еще не слышала, – опрометчиво спрашиваю я.

Сьюзи строго смотрит на меня:

– «Выставка текстиля: от первобытных образцов до тканей XX века», – сообщает мне она. – Говорят, всем гостям в подарок дадут шарфики.

Шарфики? Черт. Думай, Сильви, думай быстро.

– Ох, разве я вам не сказала? – небрежно бросаю я. – Всем нашим патронам на открытии мы вручим прекрасные подарки. Это... сумки.

В глазах Сьюзи промелькнул интерес:

– Сумки? – переспрашивает она.

– Дизайн вдохновлен самыми интересными экспонатами с нашей выставки, – вру, не краснея. – Эксклюзивные модели.

О том, где мне достать тридцать эксклюзивных сумок с узорами, как на антикварных веерах, буду думать позже. Я не отдам Сьюзи Джексон Виктории и Альберту, впрочем, как и других наших покровителей.

Вижу по лицу Сьюзи, что она прокручивает варианты. Шарф от V&A или сумочка от Уиллоуби-хаус? Любому, кто хоть мало-мальски разбирается в искусстве, понятно, что нужно выбирать сумочку. Или не понятно?

– Знаете, возможно, у меня и получится заскочить к вам, – решает она.

– Замечательно. – Моя лучезарная улыбка становится еще лучезарнее. – Мы будем вас ждать. Обещаю вам прекрасный вечер.

Прошу счет и доедаю свой круассан, мысленно оценивая эту деловую встречу на четверку с плюсом. Остается добраться до офиса, написать отчет и рассказать миссис Кендрик о совпадении с датами мероприятий в Виктории и Альберте. Да, а еще заказать где-нибудь тридцать сумок на бесплатную раздачу.

Может, просмотреть варианты в магазине самого V&A?

– Что ж, – с неким странным оживлением начинает Сьюзи, когда приносят счет, – как ваши девочки? Давно я о них не слышала. Есть новые фотографии? Можно посмотреть?

– О, у них все просто замечательно. Спасибо, что спросили, – немного удивленно отвечаю я.

Проверяю счет и передаю свою карточку официанту.

– Это так мило, растить чудесных близняшек, – беззаботно болтает Сьюзи. – Я бы тоже хотела близнецов. Конечно, сначала нужно найти подходящего мужчину...

Слушаю ее вполуха, одновременно листаю фотографии на телефоне в поисках тех, что Сьюзи еще не видела, но что-то не дает мне покоя. И вдруг меня осеняет. Какая сумма была в счете? Я, конечно, понимаю, что это «Кларидж», но...

– Могу я еще раз взглянуть на счет? – спрашиваю у официанта. Беру листок и внимательно читаю.

Так... Кофе (тут все в порядке). Круассаны и абрикосовые тарталетки (здесь вроде тоже нет ошибки). И вдруг... Что? Кофейный торт стоимостью пятьдесят фунтов?

– Это... – выдавливают Сьюзи без своего обычного жеманства в голосе. – Я как раз хотела сказать...

Медленно поднимаю голову от счета и смотрю на нее. Сьюзи же смотрит на меня с вызовом, но щеки ее предательски краснеют. Начинаю понимать, что происходит, лишь когда к нам приближается другой официант с огромной кондитерской коробкой, перевязанной ленточками, и вручает ее Сьюзи.

– Ваш торт, мадам.

Смотрю на Сьюзи, не в силах вымолвить ни слова. Да как она посмела?! Она заказала себе торт и попросила вписать его в наш счет? Торт в чертовом «Кларидж»?

Ну не наглость ли? Совершеннейшая, невозможная наглость. Вот почему она тогда начала болтать, хотела отвлечь меня. И у нее почти получилось. В голове не укладывается.

Дежурная улыбка не покидает моего лица. Шесть лет работы на миссис Кендрик научили меня, что делать в подобных ситуациях. Не раздумывая ни минуты, ввожу пин-код и жду, когда официант отдаст мне чек. Затем начинаю самым сладостным, мелодичным голосом, на который только способна:

– Приятно было вновь встретиться с вами. Надеюсь увидеть вас на открытии выставки «Шелковый ветер».

– Да, мне тоже. Буду рада прийти, – в замешательстве бормочет Сьюзи. Смотрит на коробку с тортом в своих руках, затем поднимает на меня опасливый взгляд. – По поводу торта... Я не знаю, почему они вписали его в ваш счет.

Весьма неубедительная отговорка, но ничего другого я от нее не ожидала.

– Что вы, не хочу ничего об этом слышать, – говорю я таким тоном, будто крайне удивлена ее попытке извиниться за покупку торта, будто мы всегда покупаем людям торты за пятьдесят фунтов. – Это вам угощение от нас. Приятного аппетита!

Выхожу из «Кларидж» вне себя от гнева. Мы благотворительный музей, черт возьми! Но когда двадцать минут спустя прибываю в Уиллоуби-хаус, немного успоаиваюсь. Есть в этом что-то анекдотичное. Плюс Сьюзи теперь должна нам тортик.

Останавливаюсь у парадной двери, надеваю на голову бархатный ободок и подчеркиваю губы розовой помадой. Захожу в холл – звук шагов отдается приятным эхом от плитки – и прохожу мимо стойки, за которой болтают наши добровольцы, Нина и Изобель. Машу им рукой и поднимаюсь в свой офис на самом верхнем этаже.

У нас много добровольцев; в основном это женщины определенного возраста. Обычно они просто пьют чай и болтают весь день, изредка обращая внимание на посетителей и рассказывая им что-то об экспонатах. Многие из них волонтерствуют тут годами; некоторые женщины хорошие подруги. Подозреваю, Уиллоуби-хаус для них – альтернатива женских посиделок в гостиной. У нас было бы и больше добровольцев, но пришлось отказать некоторым, так как в особняке не хватало уже места для посетителей.

Большинство из них проводят время в гостиной, в которой находится знаменитое полотно Гейнсборо¹⁷ и чудесный витраж из золотисто-янтарного стекла. Но моя любимая комната в особняке – библиотека: в огромных шкафах можно увидеть как редкие фолианты, так и дневники членов семьи, исписанные витиеватым каллиграфическим почерком. Думаю, эта комната меньше всего изменилась за все года, в ней чувствуется дух эпохи. Заходишь туда и будто возвращаешься назад во времени, наслаждаясь запахом книг и загадочным отблеском старинных газовых ламп в застекленных дверцах шкафов.

Есть еще подвал, где находится кухня для слуг. Многих это место пугает своими чугунными сковородками, висящими на стене, – они словно глаза чернооких великанов, – длинным дубовым столом и ужасающего вида печью. Но я люблю туда спускаться и представлять, каково это – быть поварихой в таком доме. Я даже как-то предлагала разработать план выставки о жизни прислуги, но миссис Кендрик в свойственной ей манере ответила: «Не думаю, милочка, что нам это нужно». На этом вопрос был исчерпан.

Сначала лестница Уиллоуби-хаус может показаться бесконечной – пять этажей все-таки, – но я к ней привыкла. Есть, конечно, капризный маленький лифт, но мне не по душе устройства, которые сначала увезут вас наверх, а потом могут сломаться и оставить вас задыхаться в душной кабинке без надежды выйти наружу.

¹⁷ Томас Гейнсборо (14 мая 1727–2 августа 1788) – английский живописец, график, портретист и пейзажист.

В любом случае каждодневный подъем и спуск по лестнице считаются за кардионагрузку. Поднимаюсь и оказываюсь в залитой светом мансарде, где находится мой офис, и приветствую Клариссу.

Кларисса – моя коллега, ей двадцать восемь. Она работает администратором, но иногда занимается сбором средств, как и я. Вот и вся команда музея (плюс еще миссис Кендрик); совсем немного, но мы прекрасно ладим друг с другом, потому что занимаемся одним делом. Естественно, знаем все правила миссис Кендрик наизусть. До Клариссы здесь работала девушка по имени Эми, но она разговаривала слишком громко и часто дерзила. Сомневалась в подлинности многих экспонатов и критиковала наши методы ведения дел (то есть, говоря словами миссис Кендрик, «не вписывалась в команду»). Долго она здесь не задержалась.

Кларисса, с другой стороны, вписывается идеально. Она тоже носит платья из набивной ткани и туфельки с пуговками, которые покупает в профессиональном магазине для танцоров. У нее длинные темные волосы и большие серые глаза; но самое главное, она почти по-детски искренняя, что сразу покоряет тебя в общении с ней.

Когда я захожу, она опрыскивает растения водой из пульверизатора, что мы должны делать каждый день. Миссис Кендрик очень расстроится, если мы вдруг забудем.

– Доброе утро, Сильви. – Кларисса поворачивает голову и одаривает меня лучезарной улыбкой. – Только что вернулась с делового завтрака. Прошло вроде успешно. Шесть человек пообещали включить Уиллоуби-хаус в свои завещания. Так мило с их стороны.

– Чудесно! Отличная работа. – Я бы «дала ей пять», но миссис Кендрик крайне не одобряет подобное поведение (а зайти миссис Кендрик может в любую секунду).

– Моя встреча, к сожалению, была не такой удачной, – рассказываю я. – Я пила кофе со Сьюзи Джексон из фонда Уилсона-Кросса, и она сообщила, что Музей Виктории и Альберта проводит мероприятие в тот же вечер, что и открытие «Шелкового ветра».

– Опять? – тут же поникла Кларисса.

– Не волнуйся, я сказала ей, что мы раздаем сумки в подарок, и она обещала «заскочить».

– Ну класс, – выдыхает Кларисса (и беспокойно озирается: не маячит ли где миссис Кендрик?). – И какие сумки?

– Не знаю. Придется что-нибудь найти. Есть идеи?

– Сувенирный магазин V&A? – предлагает она спустя пару минут. – У них бывают дивные вещишки.

– Я тоже об этом думала.

Снимаю пиджак, достаю из сумочки чек за кофе и кладу его в специальную деревянную Коробку в шкафу. Да, именно так, с большой буквы, чтобы ее не путали с Красной коробкой, что стоит по соседству (на самом деле это простая картонная коробка, которая раньше была обернута красной подарочной бумагой с цветочным узором; на крышке до сих пор остался небольшой кусочек бумаги).

Коробка предназначена для хранения чеков, Красная – для факсов. Рядом с ними Маленькая коробка, где всегда в наличии клейкие листочки для заметок и скрепки (не канцелярские, потому что канцелярским место в Чаше, глубокой глиняной тарелке, что стоит на следующей полке). А ручки и карандаши у нас живут в Горшке. Поначалу это кажется странным, но со временем привыкаешь.

– У нас почти закончилась бумага для факса, – сообщает Кларисса, наморщив носик. – Попозже сгоняю в магазин.

Неудивительно, что бумага для факса заканчивается так быстро, мы отправляем (и получаем) много факсов. В основном от миссис Кендрик, которая иногда работает дома. Она любит переписываться подобным, хоть и весьма устаревшим, образом. Как я уже говорила, все в Уиллоуби-хаус происходит так, как хочет того миссис Кендрик.

– С кем ты сегодня общалась на деловом завтраке? – спрашиваю я Клариссу, глядя на нее поверх монитора компьютера.

– С парнями из *HSBC*¹⁸. Шестеро симпатичных молодых людей. Очень молодых, – подмигивает мне Кларисса, – только что из университета. Но они были ужасно милы, обещали сделать нас наследниками. Думаю, мы можем рассчитывать на тысячи!

– Превосходно! – улыбаюсь я и создаю новый текстовый документ для отчета. Только начинаю печатать, как слышу громкий топот ног по лестнице.

Я узнаю поступь миссис Кендрик, но вместе с этим отчетливо улавливаю и шаги другого человека. Незнакомые. Более тяжелые, ритмичные. Мужские.

Офисная дверь открывается, и за ней и вправду стоит мужчина.

Я бы дала ему тридцать. Темный костюм, голубая рубашка, короткая стрижка, широкая мускулистая грудь. Волосатые запястья и ощутимый запах лосьона после бритья. (Должно быть, он бреется по два раза в день и упражняется с гирями в спортзале.) Смотришь на его шикарный костюм с иголки и отчетливо представляешь себе роскошную машину, припаркованную у Уиллоуби-хаус. Такие люди крайне редко появляются в наших стенах, так что я уставилась на него, раскрыв рот (каюсь). И кажется это совершенно неправильным, что он стоит на нашем выцветшем зеленом ковре в своих дорогих, начищенных до блеска туфлях, едва не задевая затылком притолоку.

Сказать по правде, мужчин в Уиллоуби-хаус почти не бывает. А если и бывают, то это седовласые мужья наших дам-добровольцев в бархатных смокингах. Они приходят на некоторые мероприятия, задают вопросы о барочной музыке и пьют херес. (Херес – бессменный напиток на каждый вечер в Уиллоуби. Еще одно правило миссис Кендрик.)

Они никогда не поднимаются на верхний этаж, не окидывают сомнительным взглядом нашу мансарду и не выдают: «И это вы называете офисом?»

Волоски на моей шее гневно поднимаются. Что значит «называем»? Это наш офис!

Смотрю на миссис Кендрик (она в цветочном платье с украшенным рюшами воротником, седые волосы уложены аккуратными волнами). Жду, когда она поставит его на место одной из своих точных, бьющих прямо в цель фраз. («Эми, милочка, – сказала она, когда Эми контрабандой протащила в нашу обитель культуры баночку колы и открыла ее за столом. – У нас музей, а не американская старшая школа».)

Но сейчас, когда миссис Кендрик смотрит на этого мужчину, ее глаза не светятся присущим ей умом и пронизательностью. Руки ее дрожат, она беспокойно теребит свою любимую брошку-камею, приколотую к платью.

– Нам этого достаточно, – отвечает миссис Кендрик с нотками беспокойства в голосе. – Что ж, позволь представить тебе наших сотрудников. Девочки, это мой племянник, Роберт Кендрик. Роберт, это Кларисса, наш администратор, и Сильви, менеджер по привлечению спонсоров.

Роберт сухо пожимает нам руки, не переставая с демонстративным осуждением осматривать все вокруг.

– Хм, – протягивает он. – У вас тут небольшой беспорядок. Вам стоит взять за правило убираться на рабочем столе.

Волоски на моей шее уже прямее кошачьего уса. Кем этот племянник себя возомнил? Почему он нам указывает? Сглатываю язвительный ответ, уже готовый сорваться с языка. Сначала лучше пойму, что происходит.

Кларисса с открытым ртом и остекленевшими глазами переводит взгляд то на меня, то на миссис Кендрик. Начальница наконец понимает, что мы с Клариссой в полнейшем неведении.

¹⁸ Банковская корпорация Гонконга и Шанхая, один из крупнейших финансовых конгломератов в мире; штаб-квартира расположена в Лондоне.

– Роберт заинтересовался делами Уиллоуби-хаус, – с натянутой улыбкой сообщает она. – Однажды он унаследует его. С двумя старшими братьями, конечно.

Внутри меня все сжимается. Неужели на горизонте нарисовался злобный племянник, который хочет закрыть тетушкин музей и превратить его в дом с двухкомнатными квартирами?

– В каком смысле заинтересовались? – отваживаюсь спросить я.

– Интерес мой объективный, свободный от эмоций, – отрезает он. – На который, к сожалению, моя тетя не способна.

Боже мой, да у нас тут злобный племянник в квадрате.

– Вы не можете нас закрыть! – выпалила я прежде, чем успела подумать. – Не посмеете. Уиллоуби-хаус – кусочек истории, приют для культурных лондонцев.

– Больше похоже на приют для сплетников-нахлебников, – отнюдь не растерялся Роберт. Голос у него глубокий, хорошо поставленный. Роберт был бы мне даже симпатичен, если бы не говорил так резко и не осматривал меня с головы до ног с таким враждебным выражением лица.

– Сколько же добровольцев нужно этому месту? Потому как у вас, кажется, внизу собралась половина лондонских кумушек.

– Добровольцы оживляют это место, – твердо говорю я.

– Добровольцы только печенье поглощают с утра до вечера, – возражает он. – Да не просто печенье, а из «*Fortnum & Maison*». Весьма рачительно для благотворительного музея, не находите? Можно мне увидеть счет за печенье?

Тишина. Миссис Кендрик потупила взор и изучает пуговицы на своих рукавах, глаза Клариссы беспокойно бегают по сторонам. Печенье от «*Fortnum*» и вправду довольно дорогое удовольствие, но миссис Кендрик считает, что это единственная марка для настоящих «культурных» людей. Мы пробовали закупать вкусности от «*Duchy Originals*», но потом вернулись к «*Fortnum*». (И да, жестяные баночки от «*Fortnum*» намного удобнее, а потом и в хозяйстве пригождаются.)

– Я бы вообще хотел увидеть всю бухгалтерию, – продолжает Роберт. – Информация о движении денежных средств, затраты, необходимые издержки... Вы сохраняете чеки?

– Сохраняем, – холодно отвечаю я.

– Они в Коробке, – Кларисса кивает в сторону шкафа.

– Где, простите? – переспрашивает Роберт, и Кларисса сама приближается к полке.

– Это Коробка, – показывает она. – Рядом с ней Красная коробка, а вот это Маленькая коробка.

– Коробка, коробка и коробка? – Роберт переводит взгляд с Клариссы на меня. – Бессмыслица какая.

– В этом есть смысл, и это удобно, – вставляю я, но он меня не слушает, а задумчиво меряет шагами офис.

– Почему только один компьютер? – внезапно вопрошает он.

– Мы им вместе пользуемся.

Опять же не совсем традиционно для офиса, но мы с Клариссой уже привыкли.

– Вместе? – Он остановился и уставился на меня. – Как могут два человека пользоваться одним компьютером? Безумие.

– Работаем по очереди, – пожимаю плечами я. – Нас все устраивает.

– Но... – Роберт выглядит так, будто не может подобрать слов. – Но... как же вы отправляете друг другу электронные письма?

– Если я дома и хочу связаться с девочками, я посылаю факс, – с вызовом в голосе вставляет миссис Кендрик. – Так удобнее всего.

– Факс? – Роберт скривил губы и обратился к нам с Клариссой: – Скажите мне, что она шутит.

– Мы часто отправляем факсы, – говорю я, указывая рукой на факс-аппарат. – Патронам и спонсорам тоже.

Роберт подходит к факсу и с минуту смотрит на него.

– Может, вы еще и чертовыми перьями пишете? – тяжело выдыхает он. – При свечах?

– Знаю, поначалу это кажется довольно странным, – словно оправдываясь, мямлю я. – Но мы так работаем.

– Ерунда все это, – решительно отрезает он. – В современном офисе невозможно так работать.

Я не осмеливаюсь поднять глаза на миссис Кендрик. «Ерунда» – еще одно слово, которое она очень, очень не одобряет.

– Это наша система, – отвечаю я. – Своеобразная.

Вопреки своим собственным словам, чувствую себя немного неуютно. Когда я только пришла работать в Уиллоуби-хаус и увидела поименные коробки и факс-аппарат, боюсь, я отреагировала точно так же. Хотела выкинуть это все и работать как современный человек (с беспроводной связью и минимумом макулатуры). У меня были всевозможные предложения. Но весь рабочий процесс подчинялся правилам миссис Кендрик, как это и происходит сейчас. Все мои идеи отвергли. В итоге я постепенно разобралась в назначении каждой коробки и научилась пользоваться факсом. Полагаю, я просто привыкла к условиям.

Но разве это важно? Что с того, что наши способы ведения дел немного старомодны? Какое право этот парень имеет расхаживать тут и указывать нам, как нужно работать? У нас успешное место, разве нет?

Взгляд Роберта вновь блуждает по мансарде.

– Я еще вернусь, – зловеще обещает он. – В этом месте нужно навести порядок. Пока не поздно.

Пока не поздно?

– Что ж, – подает голос слегка ошарашенная миссис Кендрик. – Что ж, мы с Робертом пойдем пообедаем и обсудим... все.

И они покидают офис, оставляя нас с Клариссой в удивленном молчании. Когда звуки их шагов затихают вдали, Кларисса поворачивается ко мне и озвучивает мои мысли: – Что он хотел сказать этим «пока не поздно»?

– Не знаю, – смотрю на ковер, ворс которого еще хранит отпечаток тяжелых мужских туфель Роберта. – Вообще не представляю, с чего он объявился тут и начал нам указывать.

– Может, миссис Кендрик уходит на пенсию и собирается оставить его начальником здесь, – предполагает Кларисса.

– Нет! – с неподдельным ужасом восклицаю я. – Силы небесные, ты только представь, что он скажет волонтерам? «Спасибо, что пришли, а теперь валите!»

Тут Кларисса не выдерживает и прыскает, и вскоре мы обе просто давимся от смеха. Однако я не делюсь с Клариссой своими мрачными мыслями о том, что Роберт наверняка совсем не жаждет управлять музеем, а видит в нем просто очередной лондонский особнячок для продажи. В конце концов, все всегда сводится к большим деньгам.

Мы успокаиваемся, и Кларисса отправляется приготовить нам кофе. Сажусь за стол и принимаюсь за отчет, всеми силами стараясь выкинуть утренние события из головы. Но не могу, настолько я взвинчена. Мои тревоги и страхи отчаянно борются с духом неповиновения. Почему мы не можем остаться последним уютным и причудливым уголком на свете? Почему должны соответствовать стандартам бездушных офисов и учреждений? Мне совершенно все равно, кто этот парень и какие права он имеет на Уиллоуби-хаус. Если он хочет уничтожить это особенное, драгоценное место и превратить его в стереотипный многоквартирный дом, то ему придется иметь дело со мной.

После работы я посетила (в обязательном порядке) лекцию по итальянской живописи, которую читал один из наших покровителей, так что домой я прибыла около восьми. В доме меня встретила абсолютная тишина, что означало, что девочки уже спят. Поднимаюсь наверх, чтобы поцеловать в щеки моих мирно посапывающих малышей, укрыть их поплотнее одеялом и перевернуть Анну в кровати. (Она почему-то полюбила спать, как Пеппи Длинныйчулок – голова накрыта одеялом, а ноги на подушке.) Затем спускаюсь на кухню и застаю Дэна за столом с открытой бутылкой вина.

– Привет, – здороваюсь я. – Как день прошел?

– Нормально, – пожимает плечами Дэн. – Твой?

– Пришел к нам сегодня один конторский крыс, – говорю я мрачно. – Племянник миссис Кендрик. «Заинтересовался нами», говорит. А на самом деле хочет прикрыть нас и разбить особняк на кучу квартир.

– Он прямо так и сказал? – поднял голову Дэн. – Боже правый.

– Нет, не так, – признаюсь я. – Но он сказал, что мы должны измениться, пока не стало поздно, – стараюсь голосом передать весь устрашающий смысл этих слов, но Дэн уже расслабился.

– Наверное, он хотел сказать «пока не начнется вся рождественская кутерьма», – говорит он. – Хочешь немного?

Он наливает мне вина, не дождавшись моего ответа. Дэн протягивает бокал, а я перевожу взгляд с него на бутылку, наполовину пустую. Дэн явно чем-то озабочен.

– У тебя все хорошо? – осторожно спрашиваю я.

Дэн не отвечает, а тупо пялится в пространство. Он пьян, понимаю я. Скорее всего, после работы он зашел в паб. Он иногда туда ходит, когда знает, что я задержусь, а с девочками все равно сидит Карен. А потом он вернулся домой и налег на вино.

– Сегодня я сидел на работе, – наконец отвечает он, – и все время думал: а этим ли я хочу заниматься все свои шестьдесят восемь лет? Строить офисы, продавать офисы, снова строить и снова продавать, потом опять строить...

– Я поняла.

– ...опять продавать. – Дэн кажется подавленным. – Вечность.

– Не всю же вечность, – смеюсь я, пытаюсь разрядить обстановку. – И тебе необязательно работать до самой смерти.

– А кажется, что вечность. Мы бессмертны, Сильви. Так нам сказали. – И угрюмо смотрит на меня. – А знаешь, кто такие бессмертные?

– Герои? – предполагаю я, вспомнив древнегреческие мифы.

– Задолбавшиеся. Вот кто.

Он тянется через стол, хватает бутылку и наливает себе еще.

Так, это нехорошо. Совсем нехорошо.

– Дэн, у тебя кризис среднего возраста? – Слова вылетают сами собой.

– Как у меня может быть кризис среднего возраста? – взрывается Дэн. – У меня даже возраст сейчас не средний. Далеко не средний. Я у подножия этого чертова холма жизни!

– Но это же хорошо! – настойчиво вставляю я. – У нас впереди столько времени.

– Но что мы будем делать со всем этим временем, Сильви? Чем заполнять бесконечные, бездушные года, занятые бессмысленной и монотонной работой? Где же счастье в нашей жизни? – Лихорадочным взглядом окидывает кухонные шкафы, будто где-то там, среди жестяных банок с куркумой и гвоздикой, могла притаиться и баночка с наклейкой «счастье».

– Как я уже говорила утром, нам нужен план. Нужно взять жизнь в свои руки, а не подчиняться судьбе. Vincit qui se vincit, – гордо прибавляю я. – Что в переводе с латыни значит «Побеждает тот, кто побеждает себя». (Я загуглила это на работе, когда была моя очередь пользоваться компьютером.)

– И как же победить себя?

– Я не знаю.

Делаю глоток вина; букет настолько хорош, что я делаю еще пару глотков перед тем, как накрывать на стол. Достая из кухонного шкафа тарелки и накладываю в них рагу из курицы, приготовленную в долговарке. Пока Дэн достает ножи и вилки, хорошо сдабриваю рагу кориандром.

– Оставь это. – Дэн чуть ли не бросает столовые приборы на стол. – Ты знаешь...

– Что?

– Ты знаешь, – повторяет Дэн.

– Не понимаю...

– Секс, – выдает он, будто это было совершенно очевидно.

Бог ты мой. Опять секс? Серьезно?

Почему все всегда сводится к сексу с Дэном? Нет, я понимаю, что секс важен в семейной жизни, но есть и другие вещи, которые Дэн, похоже, не замечает и не ценит. Например, подхваты для гардин с кисточками. Или Всебританский конкурс на лучшую выпечку.

– И что же ты хотел сказать про секс?

– Понимаешь... – Дэн смешался и умолк.

– Что?

– Секс с одним человеком навсегда. На веки и веки вечные. Миллион лет.

Тишина. Ставлю тарелки с рагу на стол и замираю, сознание мое кружится в безумном танце. Вот, значит, как он это видит? Узы Гименея в миллион лет длиною? Вспоминаю слова Тильды: «Брачный обет «Покуда смерть не разлучит нас» слишком уж честолюбив. На такое могут согласиться только безумцы».

Смотрю на Дэна, на мужчину, с которым я решила на союз безумцев. В то время брак с ним казался хорошей партией. Но сейчас он ведет себя так, будто секс со мной на веки вечные – это какое-то наказание, и я чувствую, что все хорошее ускользает, как песок сквозь пальцы.

– Думаю, мы вполне можем устраивать что-то вроде творческого отпуска, чтобы отдохнуть друг от друга, – предлагаю я, не совсем понимая, что несу.

– Отпуск? – Дэн вскидывает голову.

– Перерыв в отношениях. Проводить время порознь. Встречаться с другими людьми. Например, в одно из наших десятилетий, – пожимаю плечами, стараясь звучать безэмоционально. – Просто предложение.

Мысль совершенно безрассудная. Я вовсе не хочу, чтобы Дэн целое десятилетие спал с другими женщинами. Вообще не хочу, чтобы в его постели был кто-то, кроме меня. Но и не хочу, чтобы он всю жизнь чувствовал себя как под дулом пистолета или облаченным в поло-сатую робу.

Дэн в недоумении смотрит на меня:

– Итак, значит, сначала мы одну декаду разговариваем по-итальянски, потом спим с другими людьми и... Что там было последнее? Переезжаем в Южную Америку?

– Да не знаю! – защищаясь, возразила я. – Просто хочу помочь нам как-то разобраться со всем этим.

– Ты хочешь перерыва в отношениях? – Дэн пристально смотрит на меня. – Ты *это* мне пытаешься сказать?

– Нет! – в отчаянии кричу я. – Я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Я думала, ты счастлив. Но сейчас ты хочешь оставить нас и...

– Что? – всполохнулся Дэн. – Это ты хочешь, чтобы я ушел! Хочешь, чтобы я сделал это сейчас?

Срываюсь на визг:

– Я не хочу, чтобы ты уходил!

Как мы дошли до этого? Осушаю свой бокал и тянусь за бутылкой, перематывая в голове весь наш разговор. Может, я немного поспешила с выводами. Возможно, он тоже.

Какое-то время едим молча, делаю пару глотков вина в надежде, что оно поможет мне привести мысли в порядок. Приятное тепло разливается по телу, и я постепенно успокаиваюсь. Под «успокаиваюсь» я имею в виду «пьянею». Два бокала просекко, которые я выпила на лекции, дают о себе знать. Но я осушаю еще один бокал. Это необходимо. Это лекарство.

– Я просто хочу долгого и счастливого брака, – наконец произношу я, язык мой немного заплетается. – Но я не хочу, чтобы мы пресытились друг другом. Чтобы мы чувствовали себя словно в заточении, и делали засечки на стене. И я не хочу перерыва в отношениях, – решительно добавляю я. – Что касается секса, нам просто нужно... – обреченно пожимаю плечами, – ладно, я всегда могу купить новое нижнее белье...

– Прости меня. – Дэн качает головой. – Я не хотел... Ты и вправду хороша в постели, ты же знаешь.

И вправду хороша? Я ожидала что-то вроде «умопомрачительно-офигенски безупречна», но не буду сейчас на него давить.

– Все нормально, – говорю я. – Мы ведь можем быть изобретательными, правда? И мы можем быть счастливы?

– Конечно, мы можем быть счастливы. Боже, Сильви, я так тебя люблю. И наших замечательных девочек... – Ну вот, Дэн выплыл из бурного гневно-пьяного моря и стал сентиментально-пьяным. (Для таких эмоциональных переходов у меня тоже есть слово: «чувство-ворот».) – В тот день, когда появились наши малышки, моя жизнь просто... мое сердце... – Дэн скользит взглядом по стене, будто там написаны верные слова. – Мое сердце распахнулось, стало огромным, как мир. Я и не знал, что можно кого-то любить так сильно. Помнишь, какими они были крошечными? В тех маленьких пластмассовых кроватках?

Тишина. Знаю, что мы оба вспоминаем те ужасные двадцать четыре часа, когда Тесса нуждалась в искусственном поддержании дыхания. Кажется, это было миллион лет назад. Сейчас она сильная и здоровая девчушка. Но все равно.

– Я знаю. – Глаза наполняются пьяными слезами. – Знаю.

– Помнишь те крошечные носочки у них на ножках? – Дэн делает еще один глоток. – Рассказать секрет? Я до сих пор скупаю по тем носочкам.

– Они все еще у меня! – Я нетерпеливо вскакиваю из-за стола, едва не споткнувшись о ножку стула. – На днях я разбирала одежду и отложила целую охапку детского белья для... Не знаю. Однажды у наших девочек будут дети...

Иду в прихожую, открываю шкаф под лестницей и вытаскиваю оттуда черный мусорный мешок, доверху заполненный детской одеждой. Дэн открыл еще одну бутылку вина; ставит передо мной бокал, в то время как я вытаскиваю из мешка пару комбинезончиков. Они сильно пахнут кондиционером для белья, но, приняв душ, можно понять, что они сохранили этот едва уловимый запах детства. Вдыхаю, и сердце наполняется теплом. Когда-то крошечные младенцы были нашим миром, и мир этот вот-вот канет в Лету. Все, что осталось, это застиранные комбинезоны.

– Боже мой. – Дэн, словно замороженный рассматривает комбинезончики. – Они такие махонькие.

– Знаю, – делаю еще глоток вина. – Смотри, вот те самые, с утятами.

Эти комбинезоны с изображением ярко-желтых утят были всегда моими любимыми. Иногда мы называли девочек нашими утятами. Говорили, что укладываем их спать обратно в гнездышки. Забавно, как все это возвращается к тебе спустя какое-то время.

– Помнишь музыкальный мобиль с плюшевыми мишутками? – Дэн беспорядочно размахивает в воздухе бокалом вина. – Какая там была мелодия?

– Ла-ла-ла... – Я пытаюсь вспомнить мелодию, но не выходит. Черт. А ведь эта музыка должна была навсегда закрепиться в психике.

– Это же есть на видео. – Дэн берет свой ноутбук и через пару минут открывает папку «Девочки: первый год». Смотрим пленку пятилетней давности, и глаза мои то и дело цепляются за Дэна на мониторе, такого, каким он был тогда. Я так потрясена, что даже не могу говорить.

На экране Дэн сидит на диване и укачивает Анну (ей всего неделя от роду), прижимая малышку к своей голой груди. В его руках она похожа на маленького лягушонка, вытягивающего свои тощие лапки. Она такая хрупкая, беззащитная. Люди говорят: «Вы забудете, какими они были крошками», а ты лишь пожимаешь плечами и не веришь им. А вот теперь я смотрю пленку и верю. Я забыла, что мои проказницы когда-то были такими крохами. А Дэн на видео такой чуткий, заботливый, гордый. Настоящий отец.

Я смотрю на Дэна (сидящего рядом со мной) и вижу, что его тоже переполняют эмоции.

– Вот он, – говорит он сиплым голосом, будто готов расплакаться. – Смысл жизни. Вот здесь, – тычет пальцем в экран, – вот здесь.

– Вот здесь, – утираю навернувшиеся слезы тыльной стороной ладони.

– Вот здесь, – эхом повторяет он, все еще разглядывая крошку Анну на экране.

– Ты прав, – решительно киваю я. – Ты такой, такой... – Моя голова совсем опустела. – Именно. Именно.

– В смысле, что может быть важнее? – Бокал в его руке летает из стороны в сторону. – Ничего.

– Ничего, – соглашаюсь я и вцепляюсь в спинку кухонного стула. Мой желудок скрутило в трубочку, мир плывет у меня перед глазами. Кажется, передо мной сидят два Дэна.

– Ничего, – со все большей силой в голосе повторяет Дэн. – В этом мире вообще ничего нет, кроме этого.

– Ничего нет, – киваю я.

– Знаешь что? Нам нужно больше. – Дэн решительно тычет пальцем в экран.

– Да, – от всей души соглашаюсь я, хотя совершенно не понимаю, о чем он. – Больше чего?

– Вот как мы придадим нашей жизни смысл. Вот чем мы заполним бесконечно тянущиеся года. – Дэн просто светится изнутри. – Нам нужно больше детей, Сильви. Нам нужно... – смотрит по сторонам, – еще десять.

Я уставилась на него, не в силах выдать ни слова. Десять детей.

Мои глаза вновь наполняются слезами. О боже, Дэн прав. Вот и ответ на все наши вопросы.

Сквозь пьяную дымку вижу незамысловатую картину: десять деревянных колыбелек в ряд, в который плачут, смеются и разевают роты десять очаровательных младенцев. Конечно, у нас должно быть больше детей. Почему мы не подумали об этом раньше? Я буду Матушкой-Землей. Ходить в мешковатых штанах, возить детей на велосипедные прогулки и петь правильные песни.

Вкрадчивый шепоток в моей голове что-то нечленораздельно вякает, но я его не слушаю, да и не хочу слышать. Мне нужны крохотные пяточки и смешные утиные носики. Мне нужны маленькие человечки, которые будут звать меня мамой и любить больше всего на свете.

Десять маленьких человечков.

Повинуясь внезапному порыву, хватаю «утиный» комбинезончик и поднимаю его в воздух, чтобы мы оба могли на него любоваться. И я знаю, что мы оба представляем себе в нем розовенького, истошно орущего младенца. И тут я бросаю комбинезон на стол.

– Давай сделаем это, – выдыхаю я. – Прямо здесь, прямо сейчас. – Наклоняюсь, чтобы поцеловать Дэна, но съезжаю со своего стула на пол. Черт. Ой!

– Прямо здесь, прямо сейчас. – Дэн присоединяется ко мне на полу и нетерпеливо стягивает с меня одежду.

Да, здесь, на кафельном пол, предаваться любви совершенно неудобно, но нам все равно. Мы начинаем новую жизнь! Мы начинаем новую главу. У нас есть цель: милый маленький ребенок в люльке... Внезапно все кажется таким безоблачным.

4

Боже мой, что мы наделали? Я беременна? На самом деле?

Лежу в постели следующим утром, голова раскалывается. К горлу подступает тошнота, и мне страшно. Господи, неужели я и вправду беременна? Снова?

Поверить не могу, что просыпаюсь по такому сценарию. Будто я героиня ролика о случайной беременности, который показывают подросткам в школе. Мы ведь не предохранялись прошлой ночью. Или предохранялись?

Черт, точно нет.

Опасливо кладу руку на живот. Вроде ничего не изменилось, но это еще ничего не значит. Со мной могло произойти это чудо зачатия. Внутри меня уже может расти маленькая жизнь, прямо сейчас, пока Дэн еще блаженно спит в обнимку с подушкой и не подозревает, что наши собственные жизни загублены.

Нет, не загублены.

Да, загублены. Во многих отношениях.

Ранний токсикоз. Боли в спине. Никакого сна. Огромный живот. Мерзкие джинсы для беременных с эластичными вставками. Все деньги на малыша. Никакого сна.

Знаю, я немного заиклена на сне. Но разве недостаток сна – это не самая изощренная пытка? Я не могу снова не спать. Плюс разница в возрасте со старшими девочками будет шесть лет. Значит, нам придется завести четвертого ребенка, чтобы младшие дети росли вместе? Четыре ребенка? Какая машина нам тогда понадобится? Какой-нибудь чудовищный человеко-носитель. А как мы будем парковаться на наших маленьких улочках? Кошмар.

Придется ли мне бросить работу, чтобы присматривать за нашим неугомонным племенем? Но я не хочу уходить с работы. Я люблю свою работу и своих коллег...

Еще одна чудовищная мысль врывается мне в голову, и мне становится тошно. Что, если у нас родится один ребенок, мы с Дэном попытаемся зачать четвертого и... родятся тройняшки? Такое случается. Тильда знает такую семью в Сток-Ньюингтоне. Один, второй, третий, а потом – бац! – тройня. Я просто умру. Распадусь на частицы. Боже, почему мы не подумали об этом раньше? Шесть детей... Куда мы их денем?

Учащенно дышу. Вот так вот из матери двух дочерей, едва держащейся на плаву, я погружаюсь в бурные воды, накрывающие с головой мать огромного семейства с растрепанными волосами, наспех перевязанными резинкой, и в шлепанцах на отечных ногах, с изможденным смиренным взглядом...

Так. Мне срочно нужно в ванную.

Выползаю из кровати, на цыпочках бреду в ванную, чтобы не разбудить Дэна, и тут понимаю: я не беременна. Даже совсем наоборот.

Силы небесные, какое облегчение. Опускаюсь на унитаз, утыкаюсь локтями в колени и опускаю голову на руки. Будто я неслась на огромной скорости к краю обрыва и в последнюю секунду машина затормозила. Я счастлива, что все будет как раньше: только мы четверо. Идеально.

Но что скажет Дэн? А как же комбинезон с утятами, маленькие нарядные носочки и «Вот как мы придадим нашей жизни смысл»? Что, если Дэн всегда хотел шестерых детей, но никогда не говорил мне?

Некоторое время сижу и размышляю, как же мне сказать Дэну о том, что я не беременна. И что у нас больше не будет детей.

– Сильви? – слышу его голос из спальни. – У тебя все хорошо?

– О, привет. Ты проснулся, – приветствую Дэна высоким, слегка натянутым голосом. – Я просто...

Возвращаюсь в спальню, стараюсь не смотреть на Дэна.

– Я... я не беременна, – выдыхаю я, уставившись на пол.

– Ох, – кашлянул он. – Что ж... это...

И тут наступила страшная пауза. Я жду, затаив дыхание, словно участвую в шоу «Пан и пропал». Как он закончит предложение? Каким будет мой приговор?

– Это печально, – наконец произносит он.

Мычу что-то похожее на соглашение, хотя втайне радуюсь тому, что не беременна. Живот скрутило узлом. Станет ли это для нас последней каплей, которой едва не стал изумрудный бархатный диван? (С ним вообще была настоящая эпопея. Мы долго спорили и даже ругались. В конце концов сошлись на сером цвете. Но изумрудный смотрелся бы куда лучше.)

– Мы можем попробовать в следующем месяце, – предлагает он.

– Угу, – сглатываю я, думая про себя: «Черт, черт, черт! Он таки хочет шестерых...»

– Тебе нужно принимать больше... как его там?.. витамина B₉, – говорит Дэн.

Нет-нет-нет. Все происходит слишком быстро. Может, мне и подгузников сразу прикупить, когда пойду в аптеку за чертовым B₉?

– Хорошо, – смотрю на комод, все еще не смея поднять глаза на Дэна. – В смысле, можно попробовать.

Мне нужно ему сказать... Мне придется ему сказать! Но это все равно что прыгать в воду. Так, просто задержи дыхание и вперед!

– Дэн, просто я не хочу больше детей, – на одном дыхании выдаю я. – Мы так расчувствовались из-за носков и комбинезонов. Но пойми, носки так и останутся носками, а еще один ребенок – это новые огромные, меняющие жизнь обязанности. А я привыкла к моей жизни, мне все нравится. Плюс нам тогда нужно будет завести четвертого, а может получится шесть... А у нас даже комнат не хватит для шести детей!

Выдыхаю. Я сказала это. И тут понимаю, что Дэн тоже что-то говорит, быстро, глотая слова, словно он тоже прыгнул в воду.

– И у нас нет больше спален... Придется покупать новую машину... А что у нас с деньгами? Как же плата за образование?

Минуточку.

– О чем это ты? – в недоумении смотрю на него.

– Сильви, прости меня, – похоже, у него начали сдавать нервы, – мы вчера немного... увлеклись. Знаю, ты хочешь большую семью, и нам нужно это обсудить на трезвую голову. Я всегда буду уважать твои взгляды на жизнь, но сам я...

– Я не хочу большую семью! – нетерпеливо перебиваю я. – Это ты хочешь шестеро детей!

– Шестеро? – непонимающе переспрашивает Дэн. – Что за глупость? Да, вчера мы не предохранялись... Но почему сразу шестеро детей?

Он что, не понял? Это же очевидно.

– Если у нас родится один малыш, то нужно будет завести четвертого, чтобы дети росли погодками, – объясняю я. – А представляешь, родятся тройняшки? Такое случается. Вспомни семью в Сток-Ньюингтоне.

На слове «тройняшки» Дэн выпучивает глаза. Смотрю и ясно вижу: Дэн не хочет никаких тройняшек. Не хочет покупать машину-человеконоситель. Вообще не хочет этого.

– Думаю, еще один ребенок – не ответ на все наши вопросы, – наконец произносит он. – Ложный след.

– Вчера мы просто напились, – закусываю губу. – Не стоит винить себе за то, что нас накрыла страсть.

Вспоминаю о комбинезончике с утятами. Прошлой ночью во мне проснулся инстинкт «курочки-наседки». Я всем сердцем хотела орущего младенца в этом комбинезоне. Сейчас хочу лишь сложить комбинезон и убрать его куда подальше. Почему я так быстро передумала?

– А как же комбинезон с утятами? – не могу остановиться я. Я должна быть уверена, что Дэн ничего не умалчивает, что не скрывает тайное, сильное желание, которое он озвучит в порыве обиды и гнева тогда, когда будет слишком поздно что-либо менять. Когда мы будем парочкой дряхлых стариков, мотающих дни у озера в Италии в постоянных размышлениях: когда же и отчего мы совершили столько ошибок? (На прошлой неделе мы читали Аниту Брукнер¹⁹ в книжном клубе.)

– Это просто комбинезон, – пожимает плечами Дэн. – Вот и все.

– А как же следующие шестьдесят восемь лет? – напоминаю я. – Как же пустые нескончаемые десятилетия, которые нас ждут?

Тишина.

– Ну, как сказал врач... Всегда есть лото и настольные игры, – криво улыбается Дэн.

Настольные игры... Неужели мы не сможем сделать нашу бесконечную жизнь ярче и интереснее, чем бросание чертовых кубиков?

Когда вечером прибываю в паб на викторину, чувствую себя музыкальной колонкой, врубленной на полную катушку. Во мне грохочут звуки и чувства, я едва ли не плавлюсь. И связано это со многим, не только с попыткой наполнить счастьем года, отмеренные нам с Дэном (я почти не вру).

Ведь и вправду меня сильно волнуют события, происходящие на работе. Я просто не знаю, что творится с Уиллоуби-хаус. Хотя, конечно же, знаю: злой племяшка творится. Но я не знаю, что же такое он сказал миссис Кендрик, что за ночь она совершенно изменилась. Боюсь, не в лучшую сторону.

Миссис Кендрик всегда была хозяйкой, предводительницей, лидером. Все «правильно» или «неправильно» определялись по ее собственной шкале. Она просто знала, что нужно. Всегда строго придерживалась своих правил, ни секунды в них не сомневаясь, а вслед за ней переставали сомневаться и мы.

Теперь же стальной стержень внутри ее начал покрываться ржавчиной. Она кажется обеспокоенной и нервной, не уверенной больше в своих принципах. Сегодня около получаса она мерила шагами наш офис, глядела на все будто впервые. Взяла в руки Коробку и недовольно скривила лицо. Выбросила в мусорное ведро все свои выпуски *Cournty Life* (позже вернула их на место, я видела). Долго с тоской во взгляде смотрела на факс, затем отвернулась и спросила меня с надеждой в голосе: «Компьютер ведь почти как факс, да, Сильви?»

Я долго уверяла ее, что компьютер во многом похож на факс и что это не менее прекрасное устройство для общения с людьми. Поняла, что ошиблась, лишь тогда, когда миссис Кендрик села за стол и, беспечно протянув: «Тогда, пожалуй, отправлю немного электронных писем», попыталась листать экран компьютера, как на планшете.

Так что я бросила свои дела и решила ей помочь. Однако, когда минут через десять миссис Кендрик с нарастающим раздражением в голосе произнесла: «Сильви, милочка, в этом нет никакого смысла», я поняла, что без Клариссы мне здесь не справиться.

Силы небесные. Как в конце концов оказалось – после долгих минут всяческих разочарований, смятения и растерянности (со стороны каждой из нас), – миссис Кендрик была твердо убеждена, что строчка «тема письма» и есть само электронное письмо. Пришлось объяснить, что на каждую такую строчку нужно нажимать, чтобы прочитать содержимое. Она смотрела на меня с выражением крайнего удивления на лице и кивала: «Теперь ясно». Но, закрывая каждое письмо, она охала и восклицала: «Куда же оно пропало?»

¹⁹ Английская писательница и историк искусства (16 июля 1928–10 марта 2016). Наиболее известна благодаря роману «Отель «У озера», который получил Букеровскую премию в 1984 году.

Двадцать раз. К тому времени она уже достаточно извела меня, так что я вызвалась сделать ей чашечку чая, а заодно и показать ей благодарственное письмо, которое пришло от одного из наших патронов (написано на бумаге, перьевой ручкой). При виде письма лицо миссис Кендрик тут же просияло. Должно быть, племянник вчера не отставал от нее: «Бросьте вы свои правила, тетя Маргарет, и научитесь пользоваться электронной почтой!» Попадись он мне тогда, я бы ему высказала: «Ради бога, оставьте вы ее. Дайте ей общаться с друзьями и коллегами по факсу. Что в этом плохого?»

По видимому, он явится снова, чтобы «проверить», как идут дела. Что ж, в ревизора могут играть и два человека. И уж если я увижу, что он сводит с ума тетю без всякой уважительной причины, я сообщу ему эти пренебрежительнейшие известия, поверьте мне. (Скорее всего в приятном вежливом письме, после того как он уйдет. Если честно, я не сильна в спорах.)

Прежде чем проскользнуть в паб, слегка поправляю прическу, чтобы не думать (теперь, когда уже слишком поздно) о том, что участвовать в викторине было ужасной идеей. Хм, а это место немного преобразили для викторины: развесили огромное полотно-баннер с блестящей надписью «Роял Тринити Хоспис. Благотворительная викторина», воздвигли в уголке небольшую сцену с акустической системой. Маленькие группки людей уже сидят за стойкой или столиками и угощаются вином или пивом, глядя на листы с вопросами. Замечаю за одним из столиков Саймона, Оливию, Тильду с Тоби и направляюсь к ним. Поприветствовав и чмокнув в щеку каждого, усаживаюсь на стул, приговаривая: «Дэн скоро будет. Ждет, пока приедет няня».

С расходами на няню, билеты и выпивку этот вечер (на котором мы оба ужасно боимся сесть в лужу) получается уж очень дорогостоящим. Когда я уже выходила из дома, Дэн невесело протянул: «Эх, и почему мы, черт возьми, просто не прислали им пятьдесят фунтов в качестве пожертвования? Остались бы дома смотреть «Вице-президент»²⁰».

Но друзьям я об этом не скажу. Буду сохранять позитивную атмосферу.

– Вечер обещает быть довольно интересным, – с улыбкой подключаюсь я к разговору.

– Ох, это без сомнения, – тут же подхватывает Оливия. – Но не стоит воспринимать все вопросы и очки слишком серьезно. Мы здесь просто для удовольствия.

Я не очень хорошо знаю Саймона и Оливию. Они примерно одного возраста с Тильдой, их дети учатся в университете. Саймон веселый и добродушный, с вьющимися волосами и в очках. В Оливии же всегда чувствуется какое-то напряжение; она так сильно сжимает кулаки, что костяшки ее пальцев белеют. А еще она весь разговор может смотреть в пространство, словно сквозь тебя, а потом резко податься назад и пригнуть голову, будто ты собираешься ее ударить. (В первый раз я по-настоящему испугалась.)

Ходили слухи, что Оливия и Саймон собирались развестись в прошлом году из-за интрижки Саймона со своей секретаршей, но Оливия настояла на недельном путешествии в Котсуолдс на специальную «брачную терапию»: они зажигали свечи и «сметали с порога супружескую неверность» заговоренными метлами. Так мне Тоби рассказывал (он услышал это от их соседей).

Я, конечно, не верю сплетням. Да и не хочу каждый раз, когда вижу Саймона с Оливией, представлять их обоих с метлами, иступленно шепчущих какие-то заговоры. (Вот если бы Дэн мне изменил, я бы его не только метлой, молотком бы ударила.)

– В какой теме ты сильна, Сильви? – спрашивает меня Тильда, когда я удобно устроилась за столиком. – Я вызубрила все столицы.

– Эй! Столицы – это моя тема.

– Столица Латвии? – улыбается Тильда, передавая мне бокал вина.

²⁰ Американский комедийный сериал с Джулией Луис-Дрейфус в главной роли.

Жду, пока в голове моей с характерным звуком зажжется лампочка. Вроде я должна это знать... Латвия. Латвия... Прага? Нет-нет. Будапешт? Черт, это же столица Венгрии.

– Ладно, оставь столицы себе, – щедро разрешаю я. – Надеюсь на вопросы по истории искусства.

– Здорово. Саймон знает много о футболе.

– В прошлом году мы бы выиграли в благотворительном футбольном матче, если бы слишком рано не выдали наш козырный трюк, – внезапно в разговор врывается Оливия. – Это Саймон виноват, он настаивал.

Оливия исподлобья смотрит на Саймона, мы же с Тильдой обмениваемся короткими понимающими взглядами. Оливия здесь явно не просто ради удовольствия.

– Наша команда называется «Канвилльские завоеватели», – сообщает мне Тильда. – Потому что мы живем на Канвилл-роуд.

– То еще названьице, – шепчу я Тильде (чтобы Оливия не услышала) и делаю глоток вина. Только собираюсь рассказать Тильде, как сегодня все прошло на работе, над столом склоняется Оливия и сует нам под нос какие-то распечатки.

– Сильви, посмотри на эти мировые достопримечательности. – На обычной бумаге отвратительного качества изображения из интернета. – Можешь что-нибудь назвать? Это первый раунд.

С хмурым видом всматриваюсь в изображения. На них практически невозможно ничего разобрать, не говоря уже о...

– Эйфелева башня! – выпаливаю я, узнав знакомые очертания.

– Все узнали башню! – суетится Оливия. – Смотри, ее уже записали. Неужели больше ничего не видишь?

С радостью увидела бы, не будь фотографии такими зернистыми!

– Эм... – пялюсь в несчастную бумажку, пропускаю Стоунхендж и Улуру (их тоже уже записали). – А это, случайно, не Крайслер-билдинг?

– Нет, – фыркает Оливия, – выглядит похоже, но не оно.

– Понятно, – покорно соглашаюсь, но на самом деле начинаю нервничать. Я ничего не знаю, Тильда тоже, а Оливия смотрит на нас, сжав губы в ниточку, словно недовольная директриса. Внезапно она резко выпрямляется и толкает локтем Саймона. «Кто такие?» – шипит она сквозь сжатые зубы.

Поворачиваюсь, чтобы понять, о ком это она. В бар нетерпеливо входит команда парней в одинаковых фиолетовых поло. У некоторых из них бороды, у половины очки на носу, но все они без исключения выглядят невероятно умными.

– Может, стоит сдать без борьбы? – полушутя предлагаю я Тильде. – Будем просто зрителями.

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! – Я и не заметила, как средних лет мужчина с усами поднялся на сцену. – Меня зовут Дэйв, и я ваш ведущий на этот вечер, – говорит он в микрофон. – Я никогда этого не делал, просто Найджел заболел и мне пришлось заменить его. Прошу вас, не тратьте на меня и без того несвежие помидоры... – Он выдал неловкий смешок, затем откашлялся. – Что ж, давайте повеселимся. Будем играть честно, так что прошу вас отключить телефоны... – серьезным взглядом окидывает присутствующих. – Никакого гугла. Никаких звонков другу. *Verboten!*²¹

– Тоби! А ну выключи! – шикает Тильда на сына.

Тоби моргает и убирает телефон в карман. А он подровнял свою хипстерскую бородку, замечаю я. Отлично. Теперь ему осталось лишь избавиться от этих безобразных кожаных браслетов.

²¹ Запрещено! (нем.)

– Ой, это же Национальный парк Игуасу! – вдруг восклицает он, указывая пальцем на одну из зернистых фоток. – Я там был.

– Тихо, – шипит побагровевшая Оливия. – Что ты так орешь? Тебя же услышат.

Улавливаю, как кто-то за соседним столиком шепчет: «Пиши. Национальный парк Игуасу». Оливия натужилась так, будто сейчас снесет яичко.

– Доволен? Они тебя слышали! Если знаешь ответ, просто молча пиши. – В гневном порыве она едва не сметает бумагу с ответами со стола. – Запиши!

– Пойду возьму чипсов. – Тоби встает из-за стола и уходит, даже не взглянув на Оливию. Заговорщицки улыбаюсь Тильде, но та лишь прижимает ладони к щекам и с обреченным вздохом выдает бессменное: «Ох уж этот парень!»

И тут из нее так и начинается сыпаться:

– Я просто не знаю, что с ним делать. Просто не знаю. Ни за что не угадаешь его последнюю выходку. Никогда.

– И что же он натворил?

– Пустые коробки из-под пиццы. Он прятал их в сушилке, можешь в это поверить? В сушильном шкафу! Рядом с чистыми простынями! – причитает Тильда.

Она вся покраснелась, мне с трудом удастся сохранять серьезное лицо.

– Это совсем нехорошо, – соглашаюсь я.

– Ты права! – горячо восклицает она. – Совсем нехорошо! Я чувствовала запах приправ каждый раз, когда открывала сушилку. Ну там орегано, базилик. Думала, это наш новый кондиционер для белья. Сейчас ведь чего только не придумают. Но сегодня, когда запах стал странным и невыносимо мерзким, я решила проверить, в чем дело. И что, ты думаешь, я обнаружила?

– Коробки из-под пиццы?

– Именно! Коробки из-под пиццы! – Тильда встретила Тоби осуждающим взглядом, когда он вернулся к нам, бросив на столик три пачки чипсов. – Захоранивал их в чистом белье, потому что был слишком «занят», чтобы спуститься вниз.

– Я их не захоранивал, – немногословно отвечает Тоби. – Мам, я тебе уже сто раз объяснял, это было временно. Я собирался сдать их на повторную переработку.

– Нет, не собирался!

– Собирался, – враждебно сверкает глазами Тоби. – Просто не сделал этого *пока*.

– Ну, даже если это и было временно, нельзя держать коробки из-под пиццы в сушильном шкафу! – повышает голос Тильда. – Нельзя!

– Итак, настало время для раунда «Пространство и время»! – раздается оживленный голос Дэйва, усиленный микрофоном. – И первый вопрос: кто был третьим человеком на Луне? Повторяю: кто был третьим человеком на Луне?

Шепотки и бормотания волнами проносятся по заведению.

– Кто-нибудь знает? – спрашивает Оливия, обводя наш столик взглядом.

– Третий человек на Луне? – приподнимаю бровь и смотрю на Тильду.

– Естественно, не Нил Армстронг, – загибает пальцы Тильда, – и не Баз Олдрин.

Мы все беспомощно смотрим друг на друга. Слышу, как по залу пробегают шепотки: «Нил Армстронг? Не, тот первый был!»

– Да знаем мы, что это не они, – отрезает Оливия. – А нам нужно знать, кто. Тоби, ты увлекаешься наукой и математикой. Ты знаешь ответ?

– Высадка на Луну – мистификация, – невозмутимо отвечает Тоби, – так что сам вопрос некорректен.

Тильда издает возмущенный писк:

– Это не мистификация. Не обращай на него внимания, Оливия.

– Можешь отрицать правду сколько хочешь, – пожимает плечами Тоби. – Живи в своем пузыре, верь всей лапше, которую тебе вешают на уши.

– А почему ты считаешь полеты на Луну мистификацией? – с неподдельным любопытством спрашиваю я, но Тильда шикает на меня.

– Не спрашивай у него ничего, а то сейчас начнется. Теории заговора, Пол Маккартни, бальзам для губ...

– Бальзам для губ? – непонимающе смотрю на нее.

– Из-за бальзамов губы чаще трескаются, – бесстрастно сообщает Тоби. – Бальзам вызывает привыкание. Их придумали для того, чтобы содрать побольше денег. Ты пользуешься бальзамом для губ, Сильви? Для крупных фармацевтических компаний ты как марионетка, которых миллионы, – подытоживает он.

Взволнованная, откидываюсь на спинку стула. У меня в сумочке всегда лежит пара бальзамов с разными ароматами.

– А что с Полом Маккартни? – не могу удержаться я.

– Умер в 1966-м, – лаконично отвечает Тоби. – Заменили двойником. В песнях и на обложках пластинок Битлов содержатся многочисленные скрытые намеки на это. Если вы, конечно, знаете, где искать.

– Вот видишь? – обращается ко мне Тильда. – Видишь, с чем мне приходится мириться каждый день? Коробки из-под пиццы, теории заговора, все в доме перекоммутировано...

– Перемаршрутизировано, – терпеливо поправляет Тоби.

– Вопрос второй! – в перепалку между матерью и сыном врывается голос Дэйва. – Харрисон Форд играет Хана Соло в фантастической франшизе «Звездные войны». А какую роль он сыграл в фильме «Свидетель» 1985 года?

– Он играл амиша! – оживляется Саймон и задумчиво стучит ручкой по пальцам. – Нет, постойте, девчонка была из амишей...

– Боже, – стонет Оливия. – Этот фильм такой старый. Кто-нибудь вообще его помнит? – Поворачивается к Тоби: – Его сняли еще до твоего рождения. Он о... О чем он? – хмурит брови. – О программе защиты свидетелей.

– Ха! «Программа защиты свидетелей», – язвительно повторил Тоби, изобразив пальцами в воздухе кавычки.

– Тоби, не начинай! – зловеще предупреждает Тильда. – Только попробуй!

– А что такое? – спрашиваю я, загоровшись внезапным любопытством. – Есть теория заговора о программе защиты свидетелей?

– Кто-нибудь знает ответ на второй вопрос? – строго пытается призвать нас к порядку Оливия, но никто ее не слушает.

– Хочешь знать? – поворачивается ко мне Тоби.

– Да! Расскажи.

– Если предложат участие в программе защиты свидетелей, беги без оглядки, – не поведя и бровью, вещает Тоби. – Потому что они собираются избавиться от тебя.

– Ты о чем? Кто? – выпрашиваю я.

– Правительство убивает любого, кто оказывается в этой программе, – пожимает плечами он. – Экономически целесообразно.

– Убивает?

– Правительство никогда не могло защитить такое количество людей. Это просто невозможно. – Снова в воздухе затанцевали пальцы-кавычки. – Защита – миф, сказка. От людей просто избавляются.

– Но как же можно так просто избавиться от людей? Их семьи же... – смешиваюсь и умолкаю. – Ох...

– И я об этом, – многозначительно поднимает брови. – В любом случае люди исчезают навсегда. Никто не чувствует разницы.

– Совершеннейшая чепуха, – отрезает Тильда. – Ты слишком много времени проводишь в интернете, Тоби. Прошу меня извинить, мне нужно в уборную.

Когда она уходит, я складываю ладони клином и серьезно смотрю на Тоби:

– Ты ведь не веришь во всю эту ересь, правда? Просто хочешь позлить маму.

– Может, да, – подмигивает мне, – а может, и нет. Если ты параноик, еще не значит, что против тебя не найдется теории заговора. Эй, твои девочки любят оригами?

Берет салфетку и начинает быстро складывать ее. Восторженно слежу за его пальцами, ибо прямо через минуту на столе красуется бумажный журавлик.

– Какая прелесть! – ахаю я.

– Это для Анны. А вот это для Тессы. – Теперь он складывает котика с острыми треугольными ушками. – Скажи, они от Тобса.

Он улыбается совсем по-ребячьи, и я чувствую внезапный прилив симпатии к нему. Я ведь помню Тоби еще подростком в школьной форме, когда он каждый день таскал в школу тромбон.

– Харрисон Форд! – Оливия стучит кулаком по столу, дабы привлечь наше внимание. – Сосредоточьтесь! Кого он играл?

– О, я вижу, что Дэн подъезжает. – Вскикиваю на ноги в надежде сбежать отсюда. – Я пойду... эм... Вернусь через пару секунд!

Никогда, вы слышите, никогда больше не буду участвовать в викторинах. Викторины – абсолютное зло, исходят от Сатаны. Вот вам еще одна теория заговора.

Спустя два часа и почти сто раундов (кажется, что так) мы наконец переходим к зачитыванию ответов. Все устали и хотят домой. Но уйдем мы, похоже, не скоро, ибо разгорелся нешуточный спор между «командой в фиолетовых поло» и какой-то русской девушкой. Вопрос был: как пишется фамилия «Рахманинов»? Девушка написала фамилию кириллицей, а «фиолетовые» парни возмущаются, что, если в зале никто, кроме нее, не читает по-русски, она могла написать и неверно. Цитирую: «Как тут проверишь? И вообще, вопрос был о международной записи латиницей». Дэйв безуспешно пытается их успокоить.

Ради бога, какая разница? Дайте ей очко. Дайте ей десять очков. Давайте уже просто продолжим.

Не только наш брак будет длиться вечно. Эта викторина будет длиться вечно. Мы навсегда застряли за этим столиком с бокалами ужасного шардоне. Вечно будем вспоминать, кто же выиграл Уимблдонский турнир в две тысячи восьмом, пока наши волосы не поседеют и мы не превратимся в живых призраков, как мисс Хэвишем²².

– Кстати, Сильви, я видел в одной газете статью о твоём отце, – вполголоса говорит Саймон. – О его достижениях в сфере привлечения ресурсов. Ты, должно быть, им очень гордишься.

– Да, – благодарно киваю я ему. – Очень горжусь.

Мой отец потратил много времени и сил на сбор средств для фонда борьбы с онкологическими заболеваниями. Он называл это своим «большим делом». А поскольку папа был самым общительным человеком, которого я знала, ему не составило большого труда запустить ежегодный бал в Дорчестере. В одном месте и в одно время ему удалось собрать и многих знаменитостей, и дальнюю родню британской монархии.

– Там было написано, в его честь назовут рентген-кабинет в Нью-Лондон Хоспитал?

²² Героиня романа Чарлза Диккенса «Большие надежды»; хозяйка богатого дома, которая провела долгие годы в затворничестве, сидя в свадебном платье в своей комнате.

– Все верно, – киваю я. – Потрясающе, правда? Через пару недель они устроят большую церемонию открытия. Ты знаешь, что развязывать ленточку и срывать ткань с мемориальной доски будет Шинейд Брук с канала новостей? Это такая честь. А я произнесу речь.

Которую мне еще предстоит дописать, вспоминаю я. Я так уверенно рассказываю о своей речи, в то время как написала только: «Дамы и господа, уважаемая супруга лорд-мэра, добро пожаловать на это особое событие».

– Честно, я восхищен тем, что мне удалось о нем узнать, – продолжает Саймон. – Собрать такое огромное количество денег, задействовать столько людей...

– А еще он дважды поднимался на Эверест, – охотно киваю я. – И участвовал в парусной регате «Фастнет». И очень много своих друзей и знакомых вдохновил на это.

– Вау, – вскидывает брови Саймон. – Впечатляет.

– Его старый школьный друг умер от рака печени, – коротко говорю я. – Отец хотел сделать что-то для людей, у которых диагностировали рак. В его компании было запрещено собирать средства на другие нужды!

Я смеюсь, будто это была шутка, но на самом деле я не шутила. Папа был в каком-то смысле... что же это за слово?... Непримирым. Признаюсь честно, в тринадцать мне захотелось сделать короткую стрижку. Папа разозлился на меня, когда я ненароком высказала свое желание вслух. «Твои волосы – твоя сила, Сильви, – без устали повторял он. – Твоя красота». И на самом деле он был прав. Позже я бы, наверное, пожалела, что постриглась.

Повинуясь внезапному порыву, приглаживаю рукой свои длинные золотистые волны. Никогда не смогу их отрезать. Это все равно что предать папу.

– Ты, должно быть, скучаешь по нему, – произносит Саймон.

– Да. Очень сильно.

К глазам подступают слезы, но я по-прежнему широко улыбаюсь и делаю глоток вина, стараясь не встретиться взглядом с Дэном. Он уже напряжился, я чувствую. Его челюсти сжаты, лоб облепили знакомые волны морщин. Он ждет не дождется, когда тема моего отца иссякнет, как люди ждут, пока грозовая туча проплывет мимо.

Боже мой, почему он так в себе не уверен? Эта мысль пронзает мой мозг прежде, чем понимаю, почему так подумала. Знаю, что это неправильно. Знаю, что это несправедливо по отношению к Дэну. Мой отец был всегда неотразим, на всех производил глубокое впечатление. Не так-то просто быть зятем такого человека, да еще и слышать, как люди постоянно восторгаются им, в то время как ты просто...

Так. Сильви, остановись! Дэн ведь тоже особенный. Но по сравнению с отцом...

Хорошо, буду с собой совершенно честна. Наедине со своими мыслями, за которые никто меня не осудит, я могу сказать сама себе: для внешнего мира Дэн и в подметки не годится моему отцу. У него нет ни денег, ни гордого стана, нет той потрясающей харизмы и достижений в благотворительности.

Но я не хочу, чтобы Дэн был моим «вторым отцом». Я люблю Дэна таким, какой он есть. Люблю без ума. Но неужели он не может, хотя бы ради меня, принять, что мой отец обладал всеми вышеуказанными качествами, и понять, что ему вовсе не обязательно быть таким?

Но нет, он все еще каждый раз подскакивает, как на пружинке, при упоминании моего отца. Вот когда эта тема исчерпает себя, он заметно расслабится, откинется на спинку стула и потянется, подавляя зевок...

Нет, мне не показалось. Дэн действительно тянется и зевает, как я и представляла. Делает глоток вина (как я и думала) и щелкает арахис (я не удивлена).

Ранее он заказал бургер из баранины на ужин (как я и предполагала), попросил не добавлять туда майонез (и этого я тоже ожидала) и пошутил, спросив у официанта: «А это настоящий лондонский ягненок?» (Опять не удивлена.)

Кажется, все это время я пугала сама себя. Может, я и не знаю столицу Латвии или сколько футов в фатоме, но я знаю все о Дэне.

Знаю его привычки, как он думает и что его беспокоит. Я даже знаю, что он будет делать, как только допьет вино. Он будет расспрашивать Тоби о работе (он всегда так делает, когда видится с Тоби). Я знаю это, знаю это, знаю...

– Эй, Тоби, – любезно вопрошает Дэн. – Как там твой проект?

Ух! Силы небесные, я ясновидящая!

А в голову закрадываются странные мысли. Не знаю, виной ли всему шардоне, эта мучительная викторина или полный тревог рабочий день, но... я теряю контроль над реальностью. Будто болтовня и смех в пабе разносятся где-то далеко-далеко. Лампы гаснут. И лишь Дэн остается ясным лучом света, единственным в этом темном...

Мы знаем друг о друге слишком много! В этом наша проблема. В этом корень всех моих вопросов о будущем. Я знаю все о своем муже. Все! Я могу читать его мысли. Могу предсказывать его действия. Могу заказать для него еду (не ошибившись даже в приемлемом количестве соли). Могу вести с ним короткие разговоры, когда не нужно ничего пояснять. Он и так понимает меня с полуслова.

Черт, да у нас каждый день – день брачного сурка. Не удивительно, что он боится такого однообразного будущего длиною в вечность. Кто захочет прожить еще шестьдесят восемь лет с тем, кто ночь за ночью ставит тапочки перед сном на одно и то же место под одним и тем же углом? (А, с другой стороны, что еще делать с тапочками? Не разбрасывать же их по всему дому! Да, не слишком удачный пример. Но суть в любом случае та же.)

Большими глотками пью шардоне, позволяя своим мыслям самим прийти к нужному заключению. Потому что на самом деле все довольно просто. Нам с Дэном нужны сюрпризы. Именно так. Мы должны удивлять друг друга. Нам нужно встряхнуть наш брак, потешить друг друга, бросить друг другу вызов мириадами маленьких сюрпризов. И тогда шестьдесят восемь лет пролетят со свистом на огромной скорости. Вот оно!

Дэн увлеченно болтает с Тоби, на меня даже не смотрит. Но выглядит изможденным, замученным (похоже, это заметила только я). Значит, нужно что-то, что поднимет ему настроение, заставит его улыбнуться, а может, и рассмешит. Что-нибудь забавное, но при этом необычное. Что-нибудь романтическое. Чего он совсем от меня не ждет. То, что удивит его.

Вот только что? Слишком поздно устраивать приватный танец (на самом деле он их терпеть не может!). Но неужели я ничего не могу сделать прямо сейчас, что хоть на время излечило бы нас от нашей хандры? Еще глоток ужасного шардоне, и ответ как на ладони. Простой и ясный, как и все лучшие ответы.

Достаю блокнот и склоняюсь над столом – сочиняю любовное стихотворение.

Ты можешь удивиться,
Прошу тебя, не стоит.
Ведь то, что я тебя люблю,
И ткань времен не скроет.
Пусть будем рядом только мы
Всю эту бесконечность.
И не разрушит той любви...

Останавливаюсь, смотрю на возникшие будто из ниоткуда строчки. М-да, поэтического дара у меня никогда не было. Весь запал прошел. Как же мне закончить?

«Отмеренная нам вечность», – наконец пишу я. Рисую сердечко со стрелой и пару поцелуйчиков, как в старых девичьих дневниках, затем складываю листок в маленький прямоугольник, чтобы тот запросто мог поместиться в карман.

Остался вопрос: как тайно подсунуть Дэну мое стихотворение? Дожидаюсь, пока Дэн отвернется, и ловко забрасываю листочек в карман его пиджака, который висит на стуле. Когда он найдет его, сначала удивится, что это такое, затем медленно развернет и непонимающе уставится на строки, что согреют его душу. Надеюсь, что согреют. Все-таки мое стихотворение – не шедевр, но ведь истинные чувства важнее, правда?

– Хочешь ириску? – Тоби предлагает мне что-то из бумажного пакетика. – Сам приготовил. Тебе понравятся.

– Спасибо. – Беру ириску и с удовольствием кидаю в рот. Через пару секунд понимаю: лучше бы я этого не делала. Мои зубы склеились! Я не могу жевать, не могу говорить. Во рту будто огромный липкий кляп. Что за ерунда такая?

– Ну да, они немного вязкие, – говорит Тоби, видимо заметив мое онемевшее лицо. – Я называю их «Прощай, челюсть!».

Бросаю на него злобный взгляд в стиле: «Спасибо, что предупредил!»

– Тоби! Ты должен был заранее об этом сказать, – строго отчитывает его Тильда. – Не волнуйся, – поворачивается ко мне, – растает через минут десять-одиннадцать.

Одиннадцать минут?

– Итак, всем внимание! – возвращается к микрофону Дэйв. Должно быть, уже разрешил спор между девушкой и «фиолетовыми». Жизнерадостность и веселье его куда-то улетучились, видимо, ему, как и нам, уже не терпится все закончить. – Двигаемся дальше, следующий вопрос был: сколько актеров сыграло Доктора Кто в культовом сериале? И ответ: тринадцать.

– Неверно, – тут же взвыл толстячок в фиолетовом поло. – Их сорок четыре.

Дэн опасливо смотрит на него.

– Не может этого быть, – вставляет он. – Слишком много.

– Доктор Кто был не только в сериале от Би-би-си, – с важным видом выдает «фиолетовый».

– Вопрос был про сериал, – подает голос девчушка за соседним столиком. – И вообще, их четырнадцать. – Был еще один, Военный Доктор. Его играл Джон Херт.

– Слушайте, – встречается осажденный со всех сторон Дэйв. – Листы с ответами у меня, и тут написано...

– Нисколько не сыграло, – выкрикивает Тоби. – Это вопрос с подвохом. «Доктор Кто» – это название сериала, а не персонажа. Персонажа называют просто Доктор. Выкусили? – добавляет он, страшно довольный собой. – Видели бы вы ваши лица, все те, кто написал номер. Мне бы фото в инстаграм выложить с хэштегом «boomkanani»²³.

– Нет, это распространенное заблуждение. – Мужчина в фиолетовом поло бросает на Тоби уничтожающий взгляд. – Их сорок четыре, как я и сказал. Озвучить полный список?

– Кто-нибудь написал «тринадцать»? – упорно продолжает Дэйв, но его никто не слушает.

– Кто вы вообще такие, черт вас возьми? – выкрикивает мужчина в цветастой рубашке и с красным лицом за дальним столиком. Его враждебный взгляд направлен на «фиолетовую» команду. – Это должна была быть дружеская викторина, а вы приперлись сюда в своих чертовых поло и спорите со всеми...

– Ох, не любишь незнакомцев, – издевательски протягивает «фиолетовый». – Прошу прощения, Адольф.

– Как ты меня назвал? – тяжело выдыхает мужчина в цветастой рубашке и отпихивает в сторону стул.

– Как слышал. – «Фиолетовый» тоже встает и угрожающе двигается в сторону «цветастого».

²³ Boom-kanani! – сленговое триумфальное восклицание, пришедшее в английский язык из гавайского пиджина (смесь нескольких азиатских языков с английским). Обрело популярность во всем мире в качестве хэштега в инстаграме.

– Нет, я не собираюсь на это смотреть, – говорит Оливия. – Пойду покурю.

Она надевает Дэнов пиджак, затем в недоумении смотрит на пиджак Саймона (в полутьме бара пиджаки кажутся почти неотличимыми) и обратно на тот, который на ней.

– Постойте-ка. Саймон, это твой пиджак? – кивает она на тот, что на стуле.

– Пиджак Саймона сейчас на тебе, – сразу отвечает Дэн. – Мы поменялись стульями. Ему захотелось со спинкой пониже.

Лишь спустя пять секунд до меня доходит: я что, положила свою любовную лирику в пиджак Саймона?!

– У тебя есть зажигалка? – Оливия засовывает руку в карман и достает мой бумажный прямоугольник. – А это что такое?

Разворачивает, и лицо ее становится бледным как полотно. Только не это! Я должна все объяснить. Пытаюсь разжать зубы, чтобы что-то сказать, но предательская ириска, как назло, склеила их, как клеем «Момент». Отчаянно машу руками, пытаюсь привлечь внимание Оливии, но та все еще смотрит на бумажку с выражением крайнего отвращения на лице.

– Опять? – наконец выдыхает она. – Саймон?

– Что «опять»? – поворачивается Саймон, который все это время увлеченно следил за перепалкой «фиолетового» с «цветастым».

– Ты обещал мне! – Голос Оливии полон такого презрения. Я готова провалиться сквозь землю от стыда. – Саймон, ты обещал, что больше никогда!

Она размахивает стихотворением у него перед носом. Саймон вчитывается, лицо его белеет с каждой строчкой.

Я пытаюсь схватить бумажку и привлечь их внимание, но Оливия в упор меня не видит. Глаза ее полыхают гневом.

– В первый раз это вижу! – оправдывается Саймон. – Оливия, ты должна мне поверить! Я понятия не имею... ик... кто... ик... мог... – Бедняга аж начал заикаться.

– Ах, понятия не имеешь! – беспощадно напирает Оливия. – Да здесь уже все в курсе! Очевидно же, что этот кусок безграмотного мусора от твоей «коллегочки». «Ведь то, что я тебя люблю, и ткань времен не скроет...» – зачитывает она елеинным голоском. – «Пусть будем рядом только мы...» Откуда она откопала эту хрень? С какой-то дурацкой валентинки?

Могу поспорить, мое лицо сейчас ярко-пунцовое. Никогда не думала, что Оливия может быть настолько язвительной. Решительным рывком побеждаю клейкую ириску и не менее решительно вырываю бумагу из рук Оливии.

– Вообще-то, это мой стих, – стараюсь говорить беспечным тоном. – Он для Дэна. Я перепутала пиджаки. В общем, это... наше. Мое. Не для Саймона. Тебе не о чем беспокоиться. Короче... да.

Умолкаю, когда понимаю, что все за нашим столом ошарашенно смотрят на меня. Я бы посмеялась застывшей маски ужаса на лице Оливии (смотрите фильм «Крик»), если бы так перед ней не опозорилась.

– Короче, это для тебя, Дэн, – смущенно передаю ему бумажку. – Можешь прочитать сейчас... или потом. Оно короткое, – добавляю я, если вдруг Дэн ожидает что-то вроде длинной поэмы со сложными метафорами.

Удивленным-то Дэн выглядит, но совсем не так, как я хотела. Смотрит на бумажку, откашливается и засовывает ее в карман, не читая.

– Я не хотела... – Оливия сжимает кулаки крепче, чем когда-либо, костяшки кажутся почти прозрачными. – Сильви, мне очень жаль. Я не хотела тебя оскорбить.

– Все хорошо, правда...

– Да таких, как ты, вообще сюда пускать нельзя! – Раскатистый бас «цветастого» мужчины заставляет нас всех подпрыгнуть. – Позорище! У тебя все время был телефон под столом!

– Ложь! – орет в ответ «фиолетовый». – Гнусная клевета!

«Фиолетовый» резко толкает ближайший стол в сторону «цветастого», бокалы падают, стучась друг о друга.

– Мочи его! Мочи! – кричит Тоби.

– Тоби, тихо! – цыкает Тильда.

– Итак, давайте продолжим! – Дэйв в отчаянии хватается за микрофонную стойку, пытаясь перекрыть разразившийся гвалт. – Следующий вопрос был: какой британский конькобежец выиграл золото на...

Он замолкает, ибо «фиолетовый» полез на «цветастого», а за ним и вся команда. Толпа превращается в дерущийся пестро-фиолетовый клубок. Шум и гам стоят, будто на футбольном стадионе. Русская девушка визжит, словно кто-то пырнул ее ножом.

– Народ! Народ! Пожалуйста, успокойтесь! – умоляет со сцены Дэйв.

Вот так благотворительная викторина превратилась в драку в пабе. Люди по-настоящему бьют друг друга. Не думала, что доживу до такого.

– Пойдем отсюда, Сильви, – шепчет мне на ухо Дэн.

– Да, идем, – мгновенно отвечаю я.

По дороге домой Дэн достает из кармана мое стихотворение и читает его. Переворачивает листок, будто ожидал большего. Затем читает еще раз и только тогда убирает. Он выглядит растроганным и немного сбитым с толку. Что ж, наверное, больше сбитым с толку, чем растроганным.

– Дэн, послушай, – поспешно начинаю я. – Я хотела тебе все объяснить.

– Это насчет стихотворения? – вопросительно смотрит на меня.

– Да, насчет стихотворения! А ты думал, про комплекс термосжигания?

– Тебе не нужно ничего объяснять. Я все понял. Было приятно, – добавляет он после минутного раздумья. – Спасибо.

– Дело не только в стихотворении, – нетерпеливо выпаливаю я. – Я имела в виду саму идею, замысел, сам факт этого стихотворения. Мне кажется, я придумала то, что решит все наши вопросы.

– Понятно. – Дэн снова вынимает бумажку и рассматривает ее при свете уличного фонаря. – Там должно было быть продолжение?

– Нет, – оправдываюсь я. – Оно закончено.

– Ах.

– Стих – это только начало, Дэн. Послушай, что я придумала. Мы должны удивлять друг друга. Это будет наш совместный проект, такая игра. Мы назовем ее... – призадумываюсь на минутку, – «Удиви меня».

К моему счастью, Дэн и вправду выглядит удивленным. Ха! Вот и началось! Я думала, Дэн сразу зацепится за эту идею, но он неуверенно смотрит на меня.

– Ясно... И зачем?

– Чтобы пройти через наши бесконечные утомительные десятилетия, конечно! Представь, что наш брак – это эпическая киносага! Никто ведь не скучает в кино, так? А почему? Потому что не знает, какие сюрпризы готовит им следующая сцена!

– Я уснул на «Аватаре», – бурчит он.

– Я имела в виду какой-нибудь захватывающий фильм, – объясняю я. – Да и уснул ты на середине, совсем ненадолго. Плюс ты был уставшим.

Мы уже у входной двери, и Дэн тянется за своим ключом. И вдруг, узрев что-то за моим плечом, пятится назад с выражением крайнего ужаса на лице:

– Бог ты мой. Не оборачивайся, Сильви. Не оборачивайся, – бормочет он. – Это ужасно. Не смотри.

– Что? – мгновенно оборачиваюсь я, мое сердце учащенно бьется. – Что там такое?

– Сюрприз! – восклицает Дэн и открывает входную дверь.

– Не такие сюрпризы! – яростно шагаю я в коридор. – Не такие!

Нет, ну серьезно. Он совсем не уловил сути. Я имела в виду приятные сюрпризы, а не дурацкие розыгрыши.

Няню, которая сегодня сидела с девочками, зовут Бет, и раньше мы ее никогда не приглашали. Когда мы заходим на кухню, она нам весело улыбается, я же не могу улыбнуться в ответ. Весь дом завален игрушками. На полу словно раскидали жертв игрушечной чумы.

Мы, конечно, не самая чистоплотная семья в мире, но мне не хочется ходить по дому, натываясь на игрушечную мебель.

– Эм... Здравствуй, Бет, – выдавливаю из себя я. – Как дела?

– Ох, отлично! – Она уже надевает куртку. – Ваши девочки такие милахи. Они не могли уснуть, поэтому я разрешила им поиграть еще чуть-чуть. Мы славно повеселились!

– Да... Я вижу.

Везде запчасти от *Lego*. Одежка для кукол. Миниатюрная мебель *Sylvanian Families*.

– Ну, тогда до следующего раза, – беспечно щебечет Бет, забирая у Дэна деньги. – Благодарю.

– Да... До следующего...

Вот и все, что я успела сказать перед тем, как захлопнулась входная дверь.

– М-да-а, – протягиваю я, озираясь по сторонам.

– Оставь это, – говорит Дэн. – Встанем утром пораньше, скажем девочкам помочь убрать...

– Нет, – качаю головой. – Утром всегда такая спешка. Нужно хотя бы часть убрать сейчас.

Опускаюсь на корточки и начинаю собирать миниатюрные стульчики и столы. Ставлю их на подставку, добавляю крошечные кукольные пакетики хлопьев. Спустя минуту Дэн вздыхает и принимается собирать лего-детальки с видом каторжника, скованного одной цепью с миллионами других.

– Как много часов в нашей жизни мы...

– Не начинай! – прерываю его я.

Ставлю махонькие кастрюльки на игрушечную плиту и глажу их пальцем. Обожаю игрушки от *Sylvanian Families*.

– Я говорила серьезно, – внезапно говорю я, поднявшись на ноги. – Будем устраивать друг другу маленькие сюрпризы. Неожиданные. Чтоб всю жизнь чувства горели синем пламенем. – Жду, когда он сложит собранные детальки в ящик с игрушками. – Что думаешь? Ты готов к этому?

– К чему именно? – Он опять «волнует лоб». – Все еще не понимаю, что я должен делать.

– В этом-то и смысл. Нельзя сделать что-то правильно или неправильно. Просто... используй свое воображение. Экспериментируй. Развлекайся! – Наклоняюсь к Дэну, обнимаю его за шею и ласково шепчу: – Удиви меня.

5

Я невероятно взволнована.

Дэн сказал, что не может просто так из ничего придумать для меня сюрприз, ему нужно время, чтобы придумать что-нибудь замечательное. Так что у нас обоих была неделя подготовки. Это почти как готовиться к Рождеству. Я знаю, что Дэн воспринял мою идею очень серьезно, так как он практически не вылезал из гугла. Ну а я... Я безумно горжусь своей идеей! Мне уже не терпится начать! Я даже завела для этого специальный блокнот, заботливо подписав: «Игра «Удиви меня». Ох, Дэн даже не представляет, что его ждет.

Удовлетворенно смотрю на первую страницу, где аккуратно выведено: «Удиви меня. Суперплан», когда слышу за дверью легкую поступь миссис Кендрик. Поспешно закрываю блокнот и возвращаюсь к компьютеру: мне нужно срочно составить текст для буклетов к выставке «Шелковый ветер». Мы распечатаем буклеты на кремовой бумаге и каждый подпишем вручную иссиня-черной перьевой ручкой. (Шариковые ручки миссис Кендрик также «крайне не одобряет»).

Веер XIX века, ручная роспись. Французский мастер (неизвестен).

– Доброе утро, миссис Кендрик, – с улыбкой приветствую ее я.

– Доброе утро, Сильви.

На миссис Кендрик сегодня бледно-голубой костюм с любимой брошкой-камеей, а на лице традиционный хмурый взгляд. Традиционный для тех дней, когда приезжает злобный племянник. Видимо, сейчас он остановился у нее, что и объясняет, почему она так подавлена. Должно быть, он каждый день за завтраком читает ей лекции о современных успешных музеях. Вот она снова тревожным взглядом обводит мансарду, словно безмолвно говоря: «Что-то здесь не так, но я не знаю, что». Затем она обращается ко мне.

– Сильви, – спрашивает она, – а ты слышала о Дне музейного селфи?

Она произносит это так, будто пытается говорить на незнакомом ей иностранном языке.

– Да, – осторожно отвечаю я. – Слышала. А что случилось?

– Роберт только что упомянул об этом. Он считает, нам нужно поучаствовать.

– Что ж, – пожимаю плечами я. – Думаю, мы могли бы. Но я не думаю, что мы сможем привлечь этим новых меценатов. Такие акции все же для немного другой аудитории. Если честно, повальное увлечение селфи лишь отпугнет некоторых наших покровителей.

– Ах, – кивает миссис Кендрик. – Вполне. Вполне. Интересная точка зрения. – Она умолкает, и взгляд ее становится еще более тревожным. – Сильви, могу я тебя спросить, – она опускается до шепота, – что такое «селфи»? Я везде слышу это слово, но никогда не понимала, что оно значит. У Роберта я спросить не могла, ты же понимаешь...

Бог мой. Закусываю губу, представляя бедняжку миссис Кендрик за завтраком: Роберт что-то деловито вещает ей о дне селфи, а она даже не понимает, что это такое.

– Селфи – это такая фотография. Автопортрет, – добродушно рассказываю я. – Когда ты фотографируешь сам себя где-то в основном на телефон.

Не уверена, что миссис Кендрик сможет до конца понять. В ее мире телефон – это аппарат на тумбочке с трубкой и проводом-макарониной. Она медленно покидает офис, должно быть, чтобы уныло пожевать печенье от *Tesco Value*, которое мы теперь покупаем. Я же набираю новую подрисуючную надпись.

Веер с перьями...

Пока печатаю, во мне борются противоречивые чувства. Конечно, я до сих пор «крайне не одобряю» поведение Роберта, который втоптал наш тесный уютный мирок в грязь и довел свою тетю. Но с другой стороны, если он предлагает нам провести День музейного селфи,

может, он вовсе не собирается закрывать нас ради многоквартирного дома? Может, он и вправду хочет нам помочь?

И стоит ли нам участвовать в Дне музейного селфи?

Так и вижу, как наши пожилые меценаты в париках пытаются сделать селфи, держа сморщенными ручками смартфоны. Я прекрасно понимаю, с чего у Роберта возникло такое предложение, но неужели он не уловил атмосферу нашего музея? Неужели не видел, кто в основном к нам приходит?

Тем не менее вывожу: «День музейного селфи?», на клейком листочке для заметок и вздыхаю. Это довольно дальновидная идея, которая привела бы меня в восторг в то время, когда я только начинала работать в Уиллоуби-хаус. Если честно, я в свое свободное время разрабатывала целую цифровую стратегию. Я откопала свою писанину вчера вечером, чтобы посмотреть, есть ли там что-нибудь полезное для нас. Меня поразило, насколько средневековой теперь кажется моя стратегия. Там были ссылки на веб-сайты, которые больше не существуют.

Миссис Кендрик в свое время встретила эту стратегию своим обычным «Не думаю, милочка, что нам это нужно». Она никогда не использовала мои идеи. Уиллоуби-хаус жил по своим собственным милым, причудливым законам. И все было хорошо. Мы были счастливы. Разве не может быть в мире хотя бы одного места, которое не похоже на все остальные?

С очередным вздохом проверяю себя по заметкам, которые составил для нас любимый специалист миссис Кендрик. Вот только про этот веер он ничего больше не написал. Серьезно? Больше он ничего не может сказать про этот экспонат. Не могу же я так оставить, звучит просто ужасно. Сомневаюсь, что на выставке в Виктории и Альберте такое бы допустили.

Всматриваюсь в фотографию веера: он огромный и броский, с цветными перьями. Дописываю «вероятно, принадлежал куртизанке» (надеюсь, что так и было), и тут мой телефон вибрирует и на экране высвечивается «Тильда».

– Привет! – придерживаю трубку ухом, а сама продолжаю печатать. – Как дела?

– У меня для тебя гипотетическая ситуация, – начинает она безо всяких предисловий. – Предположим, Дэн купил тебе кое-что из одежды в качестве сюрприза и тебе это не понравилось.

Мозг мой работает с быстротой молнии. Значит, Дэн мне что-то купил, и Тильда знает, что. Но как? Может, он спрашивал у нее совета? Но тогда как мне может не понравиться? Что же *такое* он купил? Нет, не хочу знать. Не должна знать. Я не могу испортить ему сюрприз.

И опять же, я не из тех, кто смотрит в зубы дареному коню, даже если они не идеальны. Я не какая-то мелочная жена с манией контроля. Я уже рада, что Дэн выбрал для меня что-то, и я приму это с искренней улыбкой, что бы это ни оказалось.

– Я оценю это, что бы это ни оказалось, – немного по-ханжески повторяю я уже для Тильды. – Я и вправду люблю то, что он мне купит. Ведь для этого и существуют подарки. Дело не в самих вещах, которые сами по себе не важны, а в чувствах, что в них вкладывает дарящий.

Заканчиваю печатать подпись к вееру с каким-то прекрасным, почти благородным чувством оттого, что я совсем не меркантильная.

– Допустим. – Похоже, Тильду убедить мне не удалось. – Но предположим, что подарок безумно дорогой, но при этом совершенно безобразный?

Пальцы замирают над клавиатурой, не допечатав слово «расшитый».

– Насколько дорогой? – выдавливаю я наконец. – И насколько безобразный?

– Не хочу выдавать Дэна, – с опаской произносит Тильда. – Все-таки это должен быть сюрприз.

– Ну хоть что-нибудь расскажи, – невольно понижаю голос. – Дэн не узнает.

– Хорошо. – Тильда вдруг тоже заговорила шепотом. – Допустим, это что-то из кашемира, но довольно... *странного* цвета?

И снова в голове вращаются молнии-жернова. Кашемир! Дэн купил мне что-то кашемировое. Но боже мой, какого же цвета? У Тильды весьма своеобразное представление о цветовой гамме, но даже если она считает цвет странным...

– Какого? Какого цвета? – не могу удержаться я.

– Дэн попросил меня принять доставку, а коробка была немного приоткрыта, я всего одним глазком взглянула и... – вздыхает. – Не знаю точно, но думаю, тебе не понравится.

– Так какой цвет?!

Тильда снова вздыхает:

– Сине-серо-зеленый. Вроде. Отвратительный. Тебе прислать фото?

– Да! – выпаливаю я.

В ужасе жду, когда придет письмо, затем дрожащими руками нажимаю на ссылку.

Силы небесные! Видимо, Тильда угадала мою реакцию, потому что в трубке сразу слышится:

– Знаю. Кошмар полнейший.

– Как вообще можно было придумать такой цвет?

– Меня не спрашивай.

Сам джемпер довольно симпатичный, хоть и немного скучного фасона. Но этот цвет! На фотографии этот джемпер на красивой модели-азиатке с бирюзовыми стрелками на глазах и темно-синей помадой в тон. Такую девушку этот джемпер только украшает. Но я, с моей бледной кожей и золотистыми волосами? Как это будет смотреться на мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.